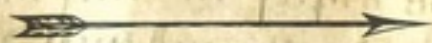

*ПРЕКРАСНАЯ СКАЗКА
о ведьмах, способных на все
ради любви.*

ПОЛА БРЕКСТОН

Серебряная ведьма

like
book

Annotation

Тильда Фордуэлз в отчаянии. Она потеряла возлюбленного и теперь вынуждена прятаться от людей в тихом коттедже возле озера Ллангорс. Уединение должно исцелить ее, но жизнь преподносит Тильде «сюрприз». Однажды утром она оказывается в густом тумане. Когда тот рассеивается, перед ней открывается невероятное зрелище: по озеру плывет лодка, в которой стоит красивая женщина в старинных одеждах. Кто она и откуда взялась? Тильда не может забыть незнакомку. Она уверена: духи пытаются связаться с ней.

Тильда начинает свое расследование. Ей предстоит не только узнать тайну призрака, но и понять, как с ним связано чудовище Аванк, легенды о котором до сих пор холодят кровь местных жителей.

Пола Брекстон

Серебряная ведьма

© Татищева Е.С., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Ей кажется, она всегда знала, что когда-нибудь это произойдет. Когда-нибудь она с этим столкнется. Ее самый жуткий страх сопровождал ее всю жизнь. Он словно испытывал ее, оставаясь неподалеку. Все те годы, когда она представляла, думала и гадала, как это случится: поглотят ли ее волны, унесет быстрая река или ее будут силой удерживать на дне сверкающего бассейна, – в конце концов привели ее сегодня в это место.

Она опасливо подходит к краю лодочного причала. Из-за промозглого холода кожа на пальцах начинает бледнеть. Она опускается на корточки, потом садится и окунает ступни в воду – резкий холод пронзает, как электрический разряд. Ее дыхание учащается, когда она поворачивается и начинает скользить. Вскрикивает, пытаясь ухватиться за мокрый край, но вцепиться в него не получается – старое дерево осклизло от выросших мелких водорослей, и ее пальцы срываются. С тихим всплеском она соскальзывает в воду, рыдая от ужаса и облегчения, когда ноги встают на илистое дно озера. Уровень воды оказывается немного выше ее талии. Согнув руки, она начинает медленно, сантиметр за сантиметром, продвигаться по неровной наклонной поверхности дна. Когда она добирается до торцевой стены лодочного сарая, вода доходит ей до подмышек. Она знает, что учащенное дыхание грозит гипервентиляцией легких. А еще ее может вырвать. Или она может потерять сознание.

Нет, нет, нет! Нельзя споткнуться, нельзя упасть. Мелкие шажки. Давайте, ножки, притворитесь, будто вы бежите. Бежите в замедленной съемке. Быстрые ножки, делающие уверенные шаги. Сначала одна, потом другая.

Она пробирается сквозь тростник, и на нее накатывают отражающиеся от деревянных стен небольшие волны. Она задирает подбородок: вода плещется у лица. Делая шаг за шагом, она борется с наступающей паникой. Паникой, которая грозит скрыть ее под водой. Паникой, которая может ее прикончить.

Она приближается к низко прибитым доскам, преграждающим выход. Сейчас она должна поднырнуть под них, проплыть сквозь неведомое, пробиться через переплетение водорослей и выплыть за стеной лодочного сарая. Она знает: если задумается, то не решится это сделать. Поэтому одним отчаянным резким движением она заставляет себя нырнуть. Но, окунувшись с головой в студеную воду, не выдерживает и теряет равновесие. Ноги скользят, и она погружается еще глубже в стоячую противную черную жижу, в заросли озерных водорослей и тростника. Она реагирует на случившееся так, как всегда боялась, так, как ей снилось в ночных кошмарах: она делает вдох. Из рта вода тотчас проникает в легкие, и она беззвучно кричит от ужаса. Тильде кажется, что время остановилось. Разум говорит: она должна немедленно встать на ноги, схватиться за что-нибудь, высунуть голову наружу, на воздух. Инстинкт велит бороться, биться, цепляться за доски. Но окружающие чернота и тишина манят остаться. А холод, пробирающий до костей, держит в железных объятиях, парализуя не только ее тело, но и волю.

Сирен

Вокруг царит тьма. Благословенная ночь. Освобожденные от света и туманных видений, мои мысли находят себе пищу в завывании ветра за окном. Этот звук рисует в моем воображении картины деревьев, шатающихся и гнущихся под яростным натиском стихии. Ивы и орешник раскачиваются, грозя быть вырванными с корнем. Березы и ясени пригибаются к земле под свирепым напором силы, исходящей с небес. Но дуб отказывается поклонить колена. Он стоит неподвижно, упрямый, неколебимый. Он скорее переломится, чем сдастся. Мой разум как ива – гнется и пружинит. Но сердце подобно дубу. Пусть они только попробуют ранить меня. Пусть только попробуют.

Тильда

Ее ноги бегут, глухо стуча по засохшей грязи. Кроссовки «Найк» топчут твердый грунт. Вдох. Выдох. Вдох, когда левая ступня через раз касается земли. Выдох, когда через раз ее касается правая. Надо сделать шаг шире на пять сантиметров, не больше. Скорость, ритм, бег, чередование шагов, поэзия движения и физических усилий.

Тильда любит бегать. Ей нужно бегать. Тильда бежит свободно, плавно, непринужденно, но мощно и целеустремленно. Она переслаивает мерный ритм своих шагов яркими, сочными образами – образами, которые соберет воедино, когда вернется домой. Это будет урожай, собранный с янтарного осеннего леса, через который она бежит. Все ее лучшие работы рождались именно так. Бег заряжает ее тело и разум. Если Тильда не бегаёт, ее мысли перегреваются и перенасыщаются, становятся потенциально плодородными, но реально непригодными для использования, подобно компосту. Они слипаются в массу, слишком плотную, чтобы создать из нее отдельные художественные образы. Тильда сворачивает с дороги, идущей через лес, и пускается бежать по узенькой тропинке, пересекающей луга.

Дыши – ступай, дыши – ступай. Сердце бьется в грудной клетке. Легкие, тренированные, сильные, дышат легко. Луговина расстилается вокруг. Открывающийся вид поднимает настроение. Зеленая, яркая, мягкая, бархатистая трава. Зеленый – цвет жизни.

Левая нога наступает на маленький камешек, и Тильда на мгновение выныривает из задумчивости, сбиваясь с ритма. Холодный воздух обжигает горло. Погода сегодня прохладная, но сухая. Год заворачивает за угол и оставляет лето позади, но плодоносное перегнивание осени еще не полностью вступило в свои права. Запах грибов едва ощутим, и под ногами лишь изредка похрустывает скорлупа осыпавшихся лесных орехов. Когда наступит следующее полнолуние, дни станут короче, а тени – длиннее.

Сильные ноги Тильды несут ее по лугу к обрамляющей его живой изгороди. Бегунья находит узкую щель, наклоняется, чтобы протиснуться сквозь заросли ежевики, и слышит свое шумное дыхание. Рядом выскакивает белка и быстро взбирается на ближайшее дерево. Тильда срывает блестящую черную ягоду и кладет в рот, затем бежит дальше по знакомой

тропе, вьющейся сквозь лесок из орешника и терновника. Наконец она снова выбегает на открытое место на берегу озера. Губы растягиваются в непроизвольной улыбке. Каждый раз, когда Тильда прибегает сюда, озерная гладь напоминает, как ее тянет к тому, чего она боится. Глубокая вода – кошмар из детства, кошмар, который продолжает ей сниться. Тильда не может представить ничего, что могло бы заставить ее свернуть с тропы и ступить в воду, нарушив ее шелковую поверхность. И все же ей нравится бегать по берегу озера, находиться так близко от него, чувствовать, как завораживают и таящийся в нем ужас, и красота. Каждый раз Тильда позволяет себе чуточку посмеяться над своим страхом. Это как нервная дрожь, которую испытываешь, когда смотришь фильм ужасов. Напоминание о том, что значит – быть живой. И о том, как близко от тебя притаилась смерть. Любая смерть. Его смерть.

Ты не должна об этом думать, только не теперь. Не должна слабеть. А ну, быстрее! Прибавь скорость. Ноги и руки двигаются, помогая друг другу. Мышцы икр напрягаются, но не обращай на это внимания. Беги, девочка, беги. Быстро. Легко. Уверенно. Я вижу тебя, поджидающая вода. Я вижу тебя. Еще одна миля. Поворот обратно, возвращение домой.

Домой. Хотя Тильда мысленно и произносит это слово, ей все еще трудно думать об этом коттедже как о чем-то большем, чем нынешнее жилище. Ведь что такое дом? Несомненно, это не просто несколько комнат, крыша, почтовый адрес. Когда говоришь «домой», подразумевается, что ты связана с этим местом неразрывными узами. Это предполагает теплоту, безопасность, дружеское общение. Любовь. Когда Мэт умер, все это умерло вместе с ним. Поэтому она возвращается в коттедж. В место, где она теперь живет. Живет уже месяц или почти месяц. Это место, где она должна жить. Где будет работать. Где будет просто находиться. Называть его домом значило бы ожидать от него слишком много. Во всяком случае, пока.

Сегодня Тильда не обежала озеро, вместо этого она разворачивается, чтобы еще раз пробежать мимо церкви Святого Канога и дома Старой Школы. Церковь, возведенная в норманнскую эпоху, приземиста и крепка, чтобы противостоять и времени, и сырому озерному воздуху. Прилегающее к ней кладбище ухожено: действующее, оно сохранило несколько старинных надгробий, наклонившихся друг к другу под углами, которые выдают их почтенный возраст.

Точь-в-точь старики за столом, подавшись вперед, беседуют после нескольких пинт пива.

Дом Старой Школы смотрится здесь неуместно. Построенный в соответствии с представлениями девятнадцатого века о том, как должно выглядеть идеальное сельское сооружение, с перегородчатыми окнами и низкими свесами крыши, он полон буколического очарования. Это уже не школа, а уютный дом человека, который хорошо разбирается в садоводстве. Тильда пробегает мимо по тротуару, ведущему к тропинке между живыми изгородями, пересекает узкую дорогу, на которой в выходные будет полно машин, и бежит вверх по склону холма к своему коттеджу.

Тай Гвин – скромный дом сельского рабочего, к которому ведет крутой подъем. Он стоит на холме, крепкий, безмятежный и чуточку самодовольный, как будто наслаждаясь открывающимся видом и слегка посмеиваясь над людьми, которые, тяжело дыша, взбираются по склону к его голубой парадной двери. Выбеленные известью камни сияют в лучах осеннего солнца, резко выделяясь на фоне постепенно выцветающей зелени горных пастбищ, а синевато-серый цвет шиферной крыши точь-в-точь совпадает с оттенком

каменных стен, окружающих сад. Тяжело дыша, Тильда поднимает щеколду деревянных ворот, которыми заканчивается ведущая к коттеджу ухабистая тропа, и опускает ее, чтобы в сад не забралась привлеченные зеленью овцы. Тильда напоминает себе, что когда-нибудь она начнет получать удовольствие от ухода за небольшой лужайкой и цветочными клумбами, от выращивания забытых и заброшенных растений. Когда-нибудь. Дорожка из неровных каменных плит ведет вдоль боковой и задней стен дома к черному ходу, дверь которого отпирается массивным ключом, хранящимся под горшком с тимьяном. Температура внутри коттеджа не намного выше, чем снаружи, но Тильда слишком разгорячена бегом, чтобы жаловаться на холод. Она поднимает жалюзи, чтобы впустить в кухню с низким потолком свет раннего утра, и ставит на конфорку чугунной дровяной печи полный чайник. Это старое чудовище так медленно нагревается, что вода еще не скоро закипит. За то короткое время, которое Тильда прожила в Тай Гвин, у нее успели сформироваться привычки. Когда изо дня в день повторяешь одну и ту же нехитрую работу, это успокаивает. Успокоение, которое дает стереотипное поведение. Последовательность движений, к которой постепенно привыкаешь, помогает превратить новое в хорошо знакомое, заполнить сознание целевыми установками, оставив в нем меньше места для непрошенных страхов и сомнений. Она достает из холодильника молоко, наливает стакан и пьет, прислонившись к раковине. Тильда чувствует, как учащенное сердцебиение, вызванное физической нагрузкой, становится медленнее. Молоко одновременно освежает и охлаждает ее разгоряченное тело. Она смотрит на кухонные часы и понимает, что они остановились.

Очередная негодная батарейка. Вот что значит покупать недорогие торговые марки.

Тильда стаскивает кроссовки и поднимается на второй этаж в крошечную ванную комнату. Душ старый, работает с перебоями и, стоит его включить, чихает, не обещая ничего хорошего. Она оставляет его плеваться горячей водой, а сама стягивает вязаную шапочку и спортивный костюм для бега, прежде чем ловко расплести тяжелую косу и распустить волосы. Зеркало начинает запотевать от пара, и отражение в нем становится еще более призрачным, чем обычно. Тильда вытирает стекло и вглядывается в бледное лицо молодой женщины, смотрящее из зеркальных глубин. Клубящийся пар затуманивает его.

Я могла бы исчезнуть. Только и нужно, чтобы с каждым днем мое лицо становилось все более размытым.

Она встает под душ, и струи горячей воды обволакивают ее тело. Светлые, почти белые волосы прилипают к голове, становясь темнее, приобретая оттенок сплава олова со свинцом. Кожа краснеет. Сейчас тело обрело самый отчетливый цвет и стало наиболее непрозрачным. Ей следовало придумать новые инструкции: чтобы сделать плоть видимой, добавь горячей воды. Мать когда-то сказала, что, держа ее, новорожденную, сомневалась, как эта девочка, кажущаяся такой хрупкой, такой тонкокожей, такой невесомой, сможет выжить. Но Тильда ей показала. Она выросла высокой и сильной. И доказала матери, что та была не права.

Когда она одевается и высушивает волосы полотенцем так, что они, распущенные и прямые, хрустальным потоком рассыпаются по спине, день полностью вступает в свои права. Тильда берет большую кружку с горячим чаем и выходит на поросшие мхом каменные плиты маленького внутреннего дворика, расположенного перед парадной дверью. Как всегда, открывающийся отсюда вид бодрит, как поток чистого воздуха.

Вот почему мы купили этот дом. Из-за этого вида.

От головокружительного обрыва сад отделяет только каменная стена. Склон уходит вниз так круто, что Тильде видно густую рощу – скорее зеленую, чем золотую – и расстилающиеся

за нею небольшие луга, окружающие озеро. Этот утром вода в нем недвижна, как стекло, ее поверхность не рябит ветерок, не колышет никакое действие, не считая передвижений водоплавающих птиц. Дальше, за озером, возвышаются Бреконские маяки – древний горный хребет, каменный щит, ограждающий здешний край от буйных ветров, а когда-то давно – от нашествий с запада. Когда они с Мэтом впервые обнаружили Тай Гвин и встали на этом самом месте, он взял ее за руку, и они улыбнулись, глядя друг на друга. В то мгновение оба поняли, что именно здесь начнут семейную жизнь.

Только у судьбы были другие планы.

Незримая опасность спугивает с дерева трех грачей, и они взлетают со своего насеста, хлопая крыльями и громко крича. Этот пронзительный неблагозвучный крик вызывает у Тильды резкую реакцию: она переносится в ту минуту, когда погиб Мэт. Воспоминания становятся такими яркими и живыми, что она снова вынуждена пережить разрывающий сердце момент. Тильда больше не стоит в саду под сентябрьским солнцем. Они едут в машине Мэта, возвращаясь из медового месяца, и на ветровое стекло обрушивается дождь, мимо проносятся размытые огни фар. Машину ведет она. Тильда чувствует, как руль повело в сторону, когда лопнула крышка. Она тормозит и останавливается на обочине. Мэт выходит из машины и подходит к колесу, чтобы его осмотреть. Жестокая память переносит Тильду в те мгновения: вот муж наклоняется к окну водительской двери, пытаясь заглянуть внутрь. Из-за дождя его черты кажутся размытыми. Он что-то говорит, но из-за шума слов не разобрать. Мэт показывает рукой куда-то вперед, на край дороги. Она вытирает запотевшее стекло, сдвигает брови, силясь разглядеть его и расслышать. А потом, в мгновение ока, муж пропадает из виду. Исчезает. Она так и не смогла вспомнить цвет грузовика, который его сбил. Позднее ей сказали, что грузовик шел порожняком, возвращался на континент после дальнего рейса, и водитель, хотя его и нельзя обвинить в халатности, был не так бдителен, как того требовали скорость и погодные условия.

Тильда трясет головой, вытирает глаза, и у нее перехватывает дыхание от боли, которую пробуждает в ней это видение, от заново шокирующего осознания, что Мэта больше нет, от груза щемящего горя – все эти чувства обрушиваются на нее в сотый раз.

Опять. Опять. Сколько еще времени это будет продолжаться? Прошло больше года, но каждый раз она видит эту картину так же явственно, и она так же страшна, как в первый раз. Неужели это никогда не прекратится? Неужели всегда будет так невыносимо?

Тильда на секунду оставляет глаза закрытыми. Когда она их открывает, яркий солнечный свет заставляет ее вздрогнуть. Тильда выливает остатки чая в горшок с геранью, разворачивается и возвращается в коттедж. Картонные коробки, заполонившие весь дом, напоминают, что надо распаковать вещи. Пока она обходится без их содержимого, но скоро надо будет разыскать зимнее пальто и более теплые одеяла. Коттедж достаточно просторен для одного человека, но комнаты в нем маленькие, и находиться в них неудобно, пока их загромождают коробки. Тильда знает: разбирать вещи будет неприятно, зато ей станет легче после того, как она наконец это сделает.

Это как визит к стоматологу или заполнение налоговой декларации.

Мысленно она слышит голос отца, мягко укоряющий за то, что она никак не сделает ни того ни другого. Скоро родители захотят увидеть ее и будут настаивать на визите, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, и удостовериться, что она устроилась на новом месте. Она должна постараться разобрать и расставить по местам все вещи и книги, если не хочет, чтобы мать укоризненно качала головой и поджимала губы.

Я сделаю это скоро, но не сейчас. Сегодня я начну работать. Работать по-настоящему.

Пристроенный к коттеджу маленький сарай использовался в качестве гаража много лет, пока его владельцами не стали они с Мэтом. Это было довольно простым делом – заменить дверь на две стеклянные, чтобы внутрь попадало достаточно света, подмести пол, поставить стеллажи и ящики с глиной и глазурью, установить глубокую керамическую мойку, небольшую дровяную печь и, разумеется, печь для обжига. Тильда с опаской смотрит на чугунную обжиговую печь, гадая, сколько пройдет времени, прежде чем она будет готова к работе. В старой студии, еще до того, как им пришлось в голову переехать в Уэльс, они столько раз ждали, сидя на иголках, когда эта штука достаточно остынет, чтобы можно было ее открыть и посмотреть – успешно прошел обжиг или нет. При тысяче ста градусах по Цельсию жар внутри гончарной печи мог бы за несколько секунд превратить человеческую руку в обугленные кости. Колоссальные температуры необходимы, чтобы в глазурях произошли химические реакции, превращающие невзрачные порошки в переливающиеся на свету стекловидные покрытия таких ярких, насыщенных цветов, что захватывает дух. Тильду всегда поражали изменения, возникающие при таком сильном нагреве. Процесс обжига глины в чреве этого прирученного огнедышащего дракона – извечное, неподвластное времени колдовство. Сырая глина добывается из земли. Потом ее измельчают, месят, прежде чем придать форму, придуманную искусным мастером. Затем изделие подвергают первому бисквитному обжигу, который делает его твердым и хрупким, готовым к глазированию. Эти волшебные порошки, смешиваемые с водой в тысяче вариаций – на ковшик больше окиси сурьмы, на щепотку меньше хрома или столовая ложка кобальта, добавленная к мере марганца, – прилипают к глиняному изделию, ожидая прикосновения огня, чтобы произошло магическое превращение из куколки в бабочку. Каждое открывание печи несет с собой ожидание и надежду – оно обнажает результаты многих недель труда, творчества и напряженной мысли. Это момент острейшего эмоционального возбуждения, и его напряжение ни в чем не уступает накалу внутри горнила.

Что ж, Мэт, по крайней мере, теперь ты избавлен от дальнейших неудавшихся обжигов. Мне придется терпеть их одной, верно?

Какая-то часть разума Тильды верит, что так, быть может, ей и впрямь будет легче: не придется терпеть разочарование Мэта вдобавок к собственному. Ей слишком памятливы те моменты, когда они приходили в отчаяние, думая о месяцах работы, потраченных впустую – либо потому, что один из видов глазури странно себя повел, либо потому, что одно капризное изделие взорвалось и все погубило.

А теперь надо начинать все сначала. Вновь набрать нужный темп работы и войти в ее ритм, чтобы творить с такой же уверенностью, с какой она бежит по утрам. Тильда засучивает рукава и берет из зеленого пластмассового ящика, стоящего под мойкой, комок гончарной глины. Она роняет тяжелый гладкий ком на дочиста отмытое дерево верстака и начинает месить глину, позволяя повторяющемуся действию успокоить и привести в равновесие разум. С нарастающей силой поднимая и опуская ком, она чувствует, как его текстура меняется, как материал становится более податливым.

Подними и с шумом припечатай. И опять. И опять. Трамбуй, скручивай, сгребай, поднимай и припечатывай.

Глухой стук падения тяжелого кома, с силой швыряемого и припечатываемого к верстаку, становится громче с каждым решительным, целеустремленным движением рук.

Тильда

Свет утренней зари не режет глаз Тильды, пока она бежит по дорожке, огибающей дальнюю часть озера. Но она все равно не снимает затемненных защитных контактных линз. Этим утром с поверхности озера поднимается дымка, приглушающая звуки и размывающая очертания деревьев. Во мгле Тильда едва различает силуэт ветхого заброшенного лодочного сарая. Все кажется расплывчатым, нечетким. Крошечные капельки воды оседают на ее черной вязаной шапочке и длинной светлой косе, болтающейся при беге. Тильда смотрит на часы, желая проверить темп с помощью специального таймера. И с досадой замечает, что они замерли. Она останавливается, тяжело дыша, и ее выдохи разгоняют туман. Это подарок Мэта – специальные часы для той, которая всерьез занимается бегом. Тильда, недовольно хмурясь, стучит по ним пальцем, но стрелки остаются неподвижными, как и крошечные циферблаты.

Я же говорила ему, что механизм слишком сложен. Много деталей, каждая только и ждет, чтобы выйти из строя.

Правда, часы ни разу не ломались за те два года, что она ими пользуется. Они всегда показывали точное время, а секундомер исправно отражал ее успехи в беге. До этой минуты. Теперь часы стоят. Тильда с силой зажмуривается, готовясь к очередному возвращению в прошлое, еще одному яркому, четкому видению смерти Мэта.

Нет. Только бы оно не повторилось, не сегодня, не здесь. Пожалуйста.

Она открывает глаза. Вокруг клубится туман, но на этот раз терзающее душу видение так и не приходит. Тильда подается вперед и продолжает бежать, не сбавляя темпа. Когда полностью рассветает, становится видно озеро. Пелена испарений поднимается, обнажая его гладкую, как шелк, поверхность, мерцающую в лучах осеннего солнца. Она снова чувствует нервную дрожь, которую каждый раз вызывает приближение к кромке воды. Тильде кажется, что, глядя на воду так часто, пробегая от нее так близко, она обуздывает страх перед глубинами. Она никогда не сомневалась, что это настоящая фобия. Отец сделал все, что мог, чтобы помочь ей. Из школы родителям то и дело приходили записки: «Тильда отказывается залезать в бассейн», «Тильда должна научиться плавать, но не выходит из раздевалки». Мать и бранила ее, и всячески выражала досаду, не намеренная терпеть подобные глупости. Отец замахнулся на то, чтобы *сделать что-то конструктивное*. Подразумевались походы субботним утром в местные бани, где они садились на деревянную скамью рядом с детским бассейном. Она – в закрытом купальнике неуместно веселой расцветки и до отказа надутых нарукавниках для плавания, он – в бежевых клетчатых шортах с голой волосатой грудью и бледным одутловатым животом. Отец крепко держал ее за руку.

– Тебе нечего бояться, крольчонок. Я же здесь. Я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось. Знаешь, этот бассейн очень мелкий. Можешь пройти по дну от одной стороны до другой. Почему бы тебе не попробовать просто по нему походить, а?

– Но вода...

Тильде было тогда восемь лет, и до сих пор ей не удалось объяснить кому-нибудь, что именно она чувствует. Дело не в том, что она по-настоящему боялась утонуть, дело было в

самой воде. В том, как она выглядит. В том, как она движется. В том, что Тильда чувствует, когда вода тянет ее за ноги, нарушая равновесие, грозя опрокинуть. А что будет потом? Она никогда не могла окунуться с головой, даже в ванне. Что же она сделает, если голова окажется под водой? От одной мысли об этом у Тильды перехватывало дыхание. Она была уверена, что погружение похоже на смерть – смерть, которая поглотит ее в беззвучном пространстве, где нет воздуха. Вода создана для рыб, а не для того, чтобы в нее залезали люди.

– Папа, – наконец отозвалась девочка. – Я же не рыбка.

Это было самое убедительное объяснение, на которое она была способна.

Отец уставился на нее, удивленно подняв брови, и добродушно рассмеялся, похлопывая по руке.

– Нет, малышка, – согласился он. – Ты не рыбка.

Тильда так и не научилась плавать, и даже отец, самый тактичный человек из всех, кого она знала, не смог скрыть изумления, когда узнал, что дочь собирается поселиться так близко от озера.

Чего только не сделаешь ради любви.

Сегодня Тильда получает удовольствие от возбуждения, которое вызывает у нее близость опасности. От того, что ей удастся обуздать страх. Тильда успевает пробежать совсем немного, когда до нее доносится звук голосов. Хотя их приглушает туман, слышно, что они повышены и сердиты. Замедлив бег, она вглядывается во мглу. Тильда еще ни разу никого не встретила во время своих ранних утренних пробежек вокруг озера. Голоса доносятся с поля, находящегося от нее слева. Она различает двух мужчин; они ругаются, но, похоже, не друг с другом. Внезапно раздается визг, и Тильда понимает, на кого направлена их ярость. Она подбегает к неровной живой изгороди и скорее перебирается через нее, чем протискивается, как раз в тот момент, когда высокий юнец снова сильно пинает худую серую собаку со взъерошенной шерстью, съезжившуюся от страха.

– Эй! – кричит Тильда, прежде чем подумать о том, благоразумно ли в одиночку выступать против двух рассерженных незнакомцев. – Сейчас же перестаньте! Оставьте бедную собаку в покое.

Молодые люди поднимают головы и видят выбегающую из тумана Тильду. Ее появление удивляет их, и мгновение они изумленно смотрят на нее.

– Вам-то какое до нее дело? – ворчит тот, что пониже.

Подойдя к животному ближе, Тильда видит струйку крови, вытекающую из пасти. Собака дрожит от страха, но не может убежать, так как один из парней удерживает ее на цепи, обмотанной вокруг шеи.

– Почему вы ее мучаете? Что ужасного она сделала?

– Она ни на что не годится, – говорит тот, кто бил собаку. – Она не хочет делать свою работу.

– Свою работу?

Парни переглядываются, и тут до Тильды доходит: чем бы они сейчас ни занимались, скорее всего, они делают это без разрешения владельца земли.

– Вы охотились на лис? – спрашивает она, хотя понимает, что этого не может быть.

– Ха! – усмехается низкорослый парень. – Эта никчемная тварь не смогла бы поймать даже лисенка.

– Это помесь шотландской овчарки и борзой, – добавляет второй парень, как будто

порода все объясняет. Видя по лицу Тильды, что она по-прежнему ничего не понимает, он продолжает. – Ей полагается охотиться на зайцев.

– На зайцев. Но... зачем?

Услышав вопрос, молодые люди теряют терпение.

– Послушайте, – говорит тот, который стоит к Тильде ближе. – Это ведь не ваше дело, верно? Вы вообще ничего не знаете о собаках.

– Я знаю, что их ничему не научишь, выбивая зубы, – подбоченившись, спорит она.

Парень, который повыше, дергает за цепь и заставляет собаку встать на подкашивающиеся лапы.

– Пошли, – говорит он спутнику. – Глупая сука! – со злостью бросает парень, и Тильда не вполне уверена, что он обращается к собаке, а не к ней. Бедное животное оборачивается, когда его начинают тащить прочь. У собаки продолжает течь кровь, и она заметно хромот. Тильда не выдерживает.

– Подождите! – кричит она вслед парням. – Если вам не нужна собака, я возьму ее себе.

Они останавливаются и оборачиваются.

– На что она вам? С какой стати мы должны ее отдавать?

– Вы только что сказали, что она не годится для... охоты. А ведь содержать и кормить такую собаку, наверное, дорого. Я могу избавить вас от забот.

– Да ну? Сколько?

– Что?

– Сколько вы дадите? Она хороших кровей. Эти зайчатницы, знаете ли, стоят денег.

– Даже те, что не годятся для охоты?

Парни бросают на Тильду сердитые взгляды и идут прочь. Она бежит за ними и нагоняет высокого, того, который держит цепь. Тильда инстинктивно кладет ладонь на его руку.

– Послушайте, у меня при себе нет денег. Но я буду заботиться о ней. И сэкономлю вам стоимость корма и услуг ветеринара.

Парень смотрит на ее руку и замечает часы.

– Я возьму эти часы в обмен на собаку.

– Мои часы? Но ведь они...

Тильда хочет сказать, что они не работают, но видит, что стрелки движутся.

– Это подарок мужа.

Парень пожимает плечами.

– Так вы хотите получить собаку или нет?

Она колеблется не больше секунды, думая о Мэте и о том, как он радовался, когда отыскал для нее эти часы, и тут же осознавая, чего бы муж ожидал от нее сейчас. Сняв часы с запястья, она отдает их парню и сразу же забирает цепь, пока он не передумал. Тильда тихо свистит собаке, чтобы та пошла с ней, и чувствует облегчение, когда животное, прихрамывая, начинает охотно трусить рядом. Она видит, что молодые люди наблюдают, как она помогает собаке перебраться через изгородь, и начинает дышать ровно, услышав, что они, громко топая, уходят через поле.

Чтобы добраться до дома, уходит вечность, потому что собака избита, хромот и страдает от недоедания. Костюм, который Тильда всегда надевает для пробежек, не может защитить от утреннего холода, так что, когда они добираются до коттеджа, обе – и она, и ее новая питомица – озябли и дрожат. Собака покорно входит в дом вслед за ней. И только

сейчас Тильде приходит в голову, что она не спросила, как зовут псину. На ошейнике нет таблички с кличкой, к тому же он явно причиняет животному боль. Тильда снимает цепь с собачьей шеи.

– Как же тебя назвать, собаченция? Какая ты тощая, наверное, тебя держали впроголодь, и ты росла, как сорная трава? Худосочная, серая, с клочковатой шерстью. Ага, знаю! Ты будешь зваться Чертополошкой! Да, эта кличка тебе подойдет. Ну так как, Чертополошка, что бы ты хотела съесть? Чем, интересно, питаются зайчатницы?

Странно слышать свой голос в доме, в котором она до сих пор жила одна. Тильда приносит блюдечко с молоком, и собака устремляет на нее взгляд, ясно говорящий: «Я не кошка», но все равно лакает. Тильда опорожняет в миску для каши банку консервов из тунца, и от них через несколько секунд не остается и следа. Вид собаки, жадно вылизывающей пустую миску, напоминает ей, что скоро придется пополнить запасы провизии. Без машины это нелегко.

Когда Тильда сообщила родителям, что и без Мэта собирается остаться в коттедже, это было первое, о чем заговорила мать.

– Как ты будешь жить в удаленном от всего и всех месте, если отказываешься водить машину? Честное слово, Тильда, это неразумно. Как ты будешь делать покупки?

– В ближайшей деревне есть почта и магазины.

– Но ты не можешь жить только на консервах и шоколадных батончиках.

Ты и тут оказалась не права, мама.

Чертополошка встает на длинные тощие лапы и, склонив голову набок, вопросительно смотрит на Тильду.

– Ну хорошо. Может, тебе и правда будет нужен настоящий корм. Попозже посмотрю, нет ли в округе супермаркета со службой доставки, ладно? А сейчас нам с тобой нужно согреться.

Тильда открывает заслонку чугунной дровяной печи и кочергой мешает тлеющие угли. Затем берет из решетчатого короба полено и кладет его в топку. И получает в результате много дыма и совсем немного тепла. Закрыв заслонку, она сдергивает с кухонного стула подушку и подзывает собаку, чтобы та легла на нее. Но подушка слишком мала, и как Чертополошка ни пытается свернуться клубком, лапы все равно свешиваются и оказываются на холодном полу.

– Ну, вот, из-за тебя я начинаю чувствовать себя хозяйкой, которая плохо заботится о своей собаке. Неужели ты не понимаешь, как тебе повезло? Ну все, у меня нет времени с тобой возиться. У меня полно работы. Мне надо обустроить студию. И выполнить заказы.

Собака смотрит на нее печальными глазами.

Вздыхнув, Тильда вытаскивает из угла кухни электрический вентилятор и ставит на пол рядом с ложем собаки. Она включает его, ожидая увидеть веселый огонек и почувствовать волну тепла, но вместо этого раздается раздражающий нервы громкий хлопок, и свет в доме гаснет.

– Черт!

В полумраке коридора Тильда, шурясь, смотрит на щиток с пробками – переплетение проводов и пыльной оснастки. В конце концов она все-таки находит в этом спутанном клубке центральный переключатель, щелкает им, и свет загорается снова.

Весьма довольная собой, Тильда возвращается на кухню.

– Вот и все. Мне нужно работать. Придется тебе обойтись дровяной печкой. Я не рискну

снова включить вентилятор.

Идя к двери, Тильда чувствует, как на нее удрученно смотрит пара блестящих круглых карих глаз.

Может быть, ей здесь будет одиноко? Может, стоит взять ее с собой? Ох, да это просто смешно.

– Через пару часиков я вернусь, – говорит она Чертополошке, взявшись за дверную задвижку.

Тильда собирается выходить, когда раздается еще один громкий хлопок, и электричество снова выключается.

– Черт побери! Опять? – Она разворачивается и направляется на другой конец кухни.

Не заметив, что Чертополошка встала с подушки, Тильда спотыкается о собаку и ударяется коленом о край деревянного стула.

– Лежи смирно! Ой, больно! Вот черт!

Продолжая ругаться, она тяжело опускается на пол, держась за ушибленное место. Собака снова ложится на подушку и сворачивается клубком, стараясь занять как можно меньше места. Тильду мучает совесть за то, что она говорила так резко. Она подавляет всхлип и крепко зажмуривается. Она знает: если позволит себе заплакать – по-настоящему заплакать, – горе овладеет всем ее существом.

Ты дура, преисполненная жалости к себе, Тильда Фордуэлз! Вставай, девочка! Вставай и пошевеливайся!

Она вытирает лицо рукавом, встает и, сделав два глубоких вдоха, открывает глаза. Чертополошка смотрит на нее из-под косматых бровей. И Тильду тотчас охватывает жалость к собаке. Она медленно подходит к лохматой зайчатнице, садится рядом на корточки и ласково гладит ее по голове и ушам.

– Прости меня. Ах ты бедолага. У тебя из пасти все еще идет кровь. Я тебе вот что скажу – сейчас поставлю чайник, чтобы заварить чай и умыть твою морду теплой водой. А потом мы с тобой позвоним электрику. Возможно, сотовый здесь и не ловит, зато наверняка работает домашний телефон. Вот оно – преимущество старых телефонов, которые не нужно включать в электросеть. Ну что скажешь, хорошая мысль? Быть может, к чаю осталось одно-два печенья. Ты могла бы помочь мне их съесть.

Чертополошка слабо, но дружелюбно виляет хвостом, поднимая в воздух маленькие облачка пыли. Соринки кружатся и пляшут в солнечном луче, падающем из окна.

– Да кому он вообще нужен, этот электрический свет, верно? Во всяком случае, не мне. И уж точно не тебе, – произносит Тильда, замечая, как успокаивающе действует на нее прикосновение пальцев к собачьей шерсти.

Она начинает выполнять обещание, данное Чертополошке, и постепенно обретает спокойствие, наводя порядок, занимаясь бытовыми мелочами, благодаря чему время летит быстрее. Умыв морду собаки теплой водой, уложив ее спать и вызвав электрика, Тильда наконец выходит из дома и идет в гончарную студию.

Сирен

Солнце отошло ко сну и оставило задачу образования теней факелам, ярко горящим в вечерней тиши. Оттуда, где сижу я – у входа в мой маленький домик на берегу озера, – ясно

виден искусственный остров. Кажется, он удерживается на плаву вместе со всеми постройками благодаря неведомым чарам, но на самом деле остров тверд и крепок. Он создан отнюдь не колдовством, а тяжелым трудом и потом. Он вовсе не плавает, а покоится на прочном основании, состоящем из слоев камней и бревен, которые свозили на середину озера в течение многих месяцев. Остров сооружен в соответствии с замыслом умных и честолюбивых людей.

Сегодня на нем горит больше факелов, чем обычно, чтобы лучше освещать дорогу в большой зал. И чтобы лучше были видны богатые наряды и украшения приглашенных на сбор. Как же люди хватаются за любую возможность похвастаться друг перед другом дорогими одеждами и безвкусными драгоценностями. Они делают вид, что торопятся на встречу с государем, чтобы выказать ему свою поддержку и внимать каждому его слову. На самом же деле их верность – ничто по сравнению с гордыней и тщеславием. А разве сам искусственный остров – не проявление гордыни? Подумать только – человек может создать целый остров! Вместо того чтобы строить дворец, кузню и дома на берегу, ему нужно было соорудить собственный остров. Сидеть над водой, как будто он подчинил себе стихии, чтобы показать, что он один способен заставить невероятно тяжелые здания возвышаться над обиталищем угрей и рыб. Можно подумать, что его стопы слишком нежны, слишком царственны, чтобы ставить их на каменистую землю.

Озеро сегодня спокойно. Пустяки, которыми занимаются живущие на нем и на прилегающих землях люди, его не волнуют. Сильный ветер может поднять на его поверхности зубцы волн. Мороз может сковать его льдом. Летним утром от солнечного тепла над ним может подняться туман. Но плеск, с которым по озеру движутся люди, лишь на краткое время нарушает его покой. Принц Брипах почитает себя властителем земель, и, наверное, так оно и есть, но над водами озера он властен ничуть не больше, чем над звездами или над громом. И неважно, сколько еще искусственных островов он соорудит.

Подданные спешат на сбор, желая занять лучшие места, достаточно близко к огню, чтобы он освещал их, но не так близко, чтобы страдать от удушающего дыма больше, чем необходимо. Они будут тепло приветствовать друг друга, но стоит им повернуться друг к другу спиной, как дружеские улыбки превратятся в презрительные усмешки. У принца есть королевский чертог – дворец, словно парящий над водой. Он привлекает честолюбцев, как пламя – мотыльков. Принц виноват в том, что его окружают люди, которые при случае будут с охотой сражаться против него. Он хороший государь и преисполнен благих намерений, но иногда ему не хочется видеть правду. У него прекрасные глаза, трогающие сердце, темные, как торф, с золотыми искорками. Смотрит он прямо и твердо, но не может разглядеть предательства у себя под носом, указать на которое принцу выпало мне.

Я не тороплюсь к Брипаху, я выжидаю. Пусть те, кто пришли раньше, вдоволь нахващаются и угомонятся. Мне неинтересно наблюдать, как гости будут расшаркиваться и обмениваться любезностями. Вечер становится прохладнее, и я рада, что надела плащ и головной убор из волчьих шкур. Мое появление всегда вызывает у подданных принца тревогу. Мой вид напоминает им о том, чего они не понимают. О том, чего страшатся, но в чем нуждаются. Но сегодня я должна предстать перед ними не только как Сирен Провидица, Сирен, живущая на отшибе в одиночестве. Сегодня я должна заставить принца услышать меня. Заставить всех услышать меня! Я – Сирен Эрайанейдд. Сирен, вызывающая из озера саму Аванк. Сирен Пророчица. Сирен Ведьма. В мои светлые косы вплетен зеленый тростник с озерных берегов. Под тонкой звериной шкурой я нага, не считая короткой

шерстяной туники, кожаных доспехов, серебряных украшений на шее и запястьях и рисунков на коже. Мои ноги босы, но шаги слышны всем из-за перестука ножных браслетов из костей и ракушек. Клинок висит у меня на поясе. Я подвела глаза, чтобы они, светлые, как стекло, казались пронзительными, и усеяла лоб и щеки крыльями жуков, которые будут трепетать и поблескивать в свечении огня. Люди будут смотреть на меня и испытывать страх, который заставит их слушать. Прежде чем покинуть неприкосновенное святилище – мой маленький дом, – я захожу в озеро, и оно мягко плещется о ступни. Мне нужно, чтобы спокойствие вод помогло сдержать мой гнев. Сегодня я не могу дать волю горячему нраву. Обучая премудростям прорицательницы и ведьмы, матушка часто журила меня за то, что я недостаточно владею собой.

Я прохожу короткий путь от дома до узких деревянных мостков, соединяющих остров с берегом, быстро и молча. Большинство гостей уже на месте, так что одинокий стражник смотрит на меня с опаской, когда я прохожу мимо. На посту только он видит, что я иду во дворец. Стражник сначала вздрагивает, потом таращится на меня и, наконец, быстро отводит взгляд. Это обычная реакция людей на появление провидицы. Что ж, мне, по крайней мере, не надо называть свое имя, и он, не говоря ни слова, отступает в сторону и дает пройти. В небольших строениях на острове сейчас тихо – в кузнице, в амбаре, в домах с хлевами, – все их обитатели отправились в большой зал, чтобы занять там свои места. Лошади принца спят в конюшне; длиннорогий бык дремлет, низко опустив голову; пастушьи собаки слишком утомлены, чтобы лаять. Я останавливаюсь перед дверью в зал и прислушиваюсь. Хивел Грифид, верный капитан принца, в грубоватой повелительной манере выкрикивает слова приветствия гостям, напоминая о величии их правителя, сообщая о недавних территориальных приобретениях принца или о событиях, способствовавших повышению его статуса, призывая гостей поприветствовать Бринаха в знак признания его мудрого руководства и храбрости. В ответ на этот призыв тут же раздаются дружные возгласы. Хивел замолкает, и, даже стоя за массивной дубовой дверью, я могу легко представить, как он опускает широкий зад на сиденье по правую руку от своего господина, привычно перенося вес на одну сторону, чтобы унять боль в толстеющей ноге. Он уже не тот искусный воин, каким когда-то был, но напоминать ему об этом стал бы только глупец. И вот люди начинают один за другим вставать со своих мест и говорить: кто-то хочет задать вопрос, кто-то ждет оправдания в ссоре, кому-то надо разрешить спор по поводу принадлежности скота, кто-то жалуется на невыполнение обещания, кто-то выдвигает обвинение в краже, кто-то просит о вспомоществовании. Обращаясь к принцу, все тщательно подбирают слова, но голоса их напряжены, горла перехватывает либо гнев, либо душевная боль. Если другие начинают перебивать жалобщика, или спорить с ним, или пытаются его перекричать, Хивел быстро кладет этому конец, веля выволочь из зала тех, кто не умеет вести себя как должно.

Принц Бринах выслушивает каждого. Я знаю это, хотя по-прежнему стою за дверью. Я закрываю глаза, чтобы видеть его яснее: сильное тело, облаченное в дорогие одежды, корону, внимательные глаза, нарочито непроницаемое выражение лица. Он держит мысли при себе, не давая им отразиться на красивом челе. Он не страшится выказывать перед другими свои заботы или страсти, но он знает, что должен вести себя так, чтобы казаться подданным чем-то большим, чем простой смертный. Он – принц, покровитель, кормилец, мудрец, защитник, опора и меч. Он не должен показывать людям, что он такой же, как они.

Однако я вижу, каков принц на самом деле. Вижу человека, состоящего из плоти и крови, человека, у которого есть сердце и душа. Вижу правду, которую он скрывает.

Наступает подходящий момент для моего появления, и я, распахнув дверь, широким шагом вхожу в зал. Стражники начинают вытаскивать мечи из ножен, но, едва узнав меня, останавливаются. Все взоры устремляются на меня, и я пристально смотрю на тех, кто готов встретиться со мною взглядом. В безмолвии, которым люди встречают меня, смешиваются уважение и страх, а также ненависть, хотя открыто никто не посмеет в ней признаться. Даже Хивел со своими угрозами приумолк. Мне дозволяется выйти на середину зала и встать перед моим принцем. Он наклоняет голову в знак невозмутимого внимания. Я опускаю посох и низко кланяюсь – теперь я ниже моего вождя, хотя зоркие волчьи глаза моего головного убора останутся на одном уровне с глазами принца. Ни к кому другому из живущих ныне я бы не проявила такого почтения. И он это знает.

– Сирен Эрайанейдд, – приветствует Бриная. – Добро пожаловать! Для нас честь быть удостоенными твоим присутствием.

Я выпрямляюсь и оглядываю зал. Хотя слова принца были произнесены искренне, многие из присутствующих желали бы унести меня подальше в своем воображении. И самая ярая из моих недругов сидит по левую руку от принца в украшенном искусной резьбой кресле. Принцесса Венна. В отличие от мужа, она не скрывает свое мнение от окружающих, и сейчас ее красивое породистое лицо и зеленые, как листья молодого остролиста, глаза омрачены лютой ненавистью, которую она питает ко мне. Рядом сидит мерзкая жаба – брат принцессы Родри, за благородной наружностью которого скрывается низкая душа. Этому малому я не доверила бы присматривать и за котелком, в котором готовится пища, не говоря уже о ведении дел во владениях принца, а между тем Бриная из преданности жене доверяет ему заботу о казне. В один прекрасный день Родри сбросит маску и покажет истинное лицо.

– Может быть, посидишь с нами? – спрашивает принц и подзывает пажа. – Принеси вина Сирен Эрайанейдд.

Мальчик бросается было выполнять приказание господина, но я отрицательно качаю головой.

– Я пришла не пить, а говорить.

В зале повисает гробовое молчание.

– Мы всегда готовы выслушать твои слова, – заверяет принц, выказывая всего лишь ту церемонную учтивость, которую от него ждут.

– Я пришла предостеречь тебя.

Услышав это, Хивел не может удержаться от вопроса, которым сейчас задаются все:

– У тебя было видение?

– Да, было.

Гости потрясенно ахают, слышится тревожный ропот – приходится повысить голос, чтобы меня услышали все.

– Видение ясное и четкое, как полная луна на безоблачном небе.

– И что ты увидела? – спрашивает Хивел, не в силах ждать, пока заговорит принц, ибо он так взволнован, что начисто забыл о правилах хорошего тона.

– Я видела этот остров покинутым, опустошенным. И все строения на нем давно исчезли.

– А как насчет людей? – раздается крик из глубины зала.

– Не осталось никого, даже малого ребенка. Ни животных, ни птиц, ибо земля была бесплодна, и ничто не росло ни на острове, ни на окружающих его берегах.

Слышится женский плач, мужчины начинают шуметь, задавать вопросы, просить меня

истолковать видение. Им нужна правда, но они страшатся ее. И не мудрено.

– А в прахе и золе, оставшихся от дворца, лежала скорлупа разбитых яиц.

Услышав это, принц подается вперед.

– А какой птице принадлежали яйца? Орлу? Или соколу?

– Как бы я желала, чтобы это было так, мой принц. Но, увы, то было гнездо не птиц, а гадюк.

– Тогда нам не о чем беспокоиться, – успокаивается принцесса Венна, положив ладонь на руку мужа. – Разве в старой вере гадюка не символизирует разом, и мудрость, и плодородие? То есть продолжение жизни. Разве не так, Сирен?

Я не позволяю себе впасть в ярость от того, что она обратилась ко мне столь фамильярно, но ее слова приводят меня в замешательство. Возникшей паузой тотчас пользуется священник, чтобы напомнить: теперь мы должны следовать заветам новой веры.

– Змеи надо бояться, – настаивает он. – Мы были лишены благодати и изгнаны из садов Эдема, когда Ева польстилась на коварные речи искушителя. С тех пор люди научились остерегаться змей.

– Мужчины, может, и научились, а вот некоторых женщин все еще может прельстить змей, если у него достаточные размеры! – бурчит Хивел Грифид.

Замечание снимает напряжение, в зале раздается смех. Как это часто бывает, людям хочется высмеять то, что внушает им страх, и обратить опасность в шутку. Я вижу, как принц Брипах бросает взгляд на капитана, но даже он не сдерживает улыбки. Священник качает головой, глядит на меня и хмурится. Должно быть, он осознает: сам того не желая, сказал то, что можно расценить как согласие со мной. Такое положение дел не устраивает нас обоих. Принц считает себя христианином, поэтому живущие под его покровительством с готовностью следуют заветам веры, которую он избрал. В наших краях построены красивые церкви и развелось множество монахов. Но втайне многие продолжают придерживаться старой религии и почитают ту древнюю мудрость, которая так хорошо служила нам многие века. Будь иначе, разве бы меня терпели? И наши различные верования с неизбежностью противоречат друг другу, а порой на чем-то сходятся.

– Принцесса Венна права, – говорю я собравшимся, словно соглашаясь с их приподнятым настроением. – Незачем бояться гадюк, которые делят с нами жилища, разве что какая-нибудь случайно укусит кого-то. И змея может предвещать тучное время изобилия. Но гадюки из моего видения – не земные змеи. Вылупившиеся существа были нечистыми тварями, несущими зло и разрушение. Запомните мои слова! Это видение – предостережение. Острову грозит опасность!

– Нам это известно. – Принц Брипах с легким пренебрежением машет рукой, пытаюсь в зародыше погасить панические настроения, которые могут овладеть гостями. – Всегда есть те, кто зарится на наши владения и желает отнять то, что у нас есть. Война подобна кузену или соседу – она в любую минуту может явиться без приглашения, ведь мы живем в немирные времена.

– Ты можешь построить дворец на воде, – продолжаю я. – Можешь возвести палисад и поставить воинов со стальными мечами. Да, это удержит врагов на расстоянии.

Я делаю два шага вперед, и в моей повадке сквозит такая настойчивость и напряженность, что охраняющий принца стражник выхватывает из ножен меч. Но Брипах поднимает руку, делая ему знак оставаться на месте. Я наклоняюсь к высокородному правителю: мое лицо оказывается на расстоянии ширины ладони от его лица. Он смотрит

мне в глаза и твердо выдерживает ледяной взгляд. Немногие на это способны. Я продолжаю говорить, и голос мой все так же тих и ровен.

– Но ничто из того, что ты можешь построить, не спасет тебя от опасности, которая идет не извне, а изнутри.

Его глаза расширяются, но он не двигается и не отводит взгляд.

– Ты хочешь сказать, что у меня есть враг... в собственном лагере?

– Видение было явственным, и его смысл понятен. Ты живешь в гнезде гадюк, мой принц, и они желают тебе смерти!

Тильда кладет в чугунную печь на кухне еще одно полено и радуется, что ее можно топить дровами. Проведя в коттедже вечер при свечах, она с удивлением обнаружила, что несколько не скучает без телевизора, радио и даже любимой музыки и что ей вполне хватает книг. Она продолжала читать, пока света, падающего из окна, не стало слишком мало, чтобы разбирать шрифт выбранного романа. Она вспомнила, как Мэт пытался уговорить ее перейти на электронные книги, и улыбнулась. Почему бы не лечь спать вместе с солнцем? Она все равно рано встает, предпочитая совершать пробежки на рассвете.

Кто рано ложится и рано встает, тому Бог подает. Правда, на кой черт нужны часы, говорящие тебе, когда пришло время что-то делать, или электрический свет, не дающий заснуть?

Вдобавок ко всему тишина и темнота, похоже, помогли ей спать более крепким сном, и в кои-то веки Тильда проспала рассвет на несколько часов и обошлась без утренней пробежки. С тех пор как она познала бессонницу, часто сопутствующую горю, она ни разу не просыпалась, чувствуя себя такой отдохнувшей. Правда, она понимает, что свободный от электричества дом быстро утратил бы все свое очарование, если бы исчезла возможность приготовить утром чашку чая. Чайник на дровяной печке начинает тихо свистеть. Тильда находит тусклый свет, царящий на кухне, на удивление успокаивающим и внезапно вспоминает, что забыла надеть контактные линзы. Что ж, чем меньше света, тем меньше они нужны. Но линзы уже давно стали частью ежедневной маскировки, защищающей от предрассудков и страха. Ее бесцветные волосы и светлая кожа не вызывают у людей интереса, однако глаза, в которых голубого пигмента так ничтожно мало, что они кажутся розовыми, нервируют их. Люди пялятся, потом отводят взгляд, потом начинают разглядывать ее глаза снова. Тильда привыкла к различным реакциям на альбинизм. Возможно, живя в одиночестве на склоне холма, она будет сталкиваться с ними реже. Она прислоняется к печке и смотрит на косматый силуэт Чертополошки, по-прежнему лежащей, свернувшись в клубок, на слишком маленькой подушке и следящей глазами за каждым движением новой хозяйки.

– Ты, похоже, еще не готова к пробежке. Что, тебе все еще больно?

У Тильды мелькает мысль, что, может быть, надо показать животное ветеринару, но она быстро выбрасывает это из головы. Ближайшая лечебница находится в Бреконе, и до нее десять миль. Туда не добраться без машины. Она садится на корточки рядом с Чертополошкой и ласково ерошит шерсть.

– Автобусы тут не ходят, да, девочка? Ничего, поправишься и так. Как насчет баночки сардин? Хочешь?

Тильда шарит в шкафу, ощупью находит консервную банку нужной формы, открывает ее и выкладывает содержимое в посудину, ставшую миской Чертополошки. Собака неловко встает и, виляя хвостом, подходит к еде.

– Вот, ешь. Это уж точно лучше корма для собак, – говорит она, делая вывод, что животное, должно быть, идет на поправку, раз у него такой хороший аппетит.

Чертополошка вдруг перестает есть, поднимает морду от миски и пристально

вглядывается в полумрак коридора. Все ее тело напрягается, шерсть на загривке встает дыбом. Тильда чувствует, что сердце начинает биться часто-часто. Чертополошка не двигается и не лает, но принимается тихо и угрожающе рычать. Такой примитивный первобытный звук в одно мгновение превращает собаку из домашнего питомца в потенциального убийцу. Тильда прислушивается и, щурясь, всматривается в сумрак, но не слышит и не видит абсолютно ничего.

– В чем дело, девочка? Что-то не так? – шепотом спрашивает она.

Громкий стук в парадную дверь раздается так неожиданно, что Тильда негромко вскрикивает. Потом, чувствуя себя дурой, торопливо идет по коридору.

– Минуточку, – просит она, взясь с древним ключом и не менее древними задвижками, заедающими от того, что ими давно не пользовались. Ухитрившись отпереть дверь, она обнаруживает, что на пороге стоит жилистый мужчина в велосипедном шлеме. Когда он видит Тильду, на его лице отражается удивление. Она привыкла наблюдать за реакцией незнакомых людей на ее внешность. Привыкла смотреть на тех, кто видит ее впервые. Это повторяется снова и снова. Она привыкла видеть на лицах любопытство. Незаданные вопросы. Иногда даже легкий страх. Тильда вспоминает, что не надела контактные линзы – она немало впечатлена тем, что посетителю удастся так хорошо скрыть чувства. Он даже умудряется улыбнуться.

– Прошу прощения, – извиняется он, расстегивая подбородочный ремень. – Мне следовало подойти к черному ходу. Я Боб. – Мужчина протягивает визитку. – Вы звонили насчет предохранителей.

– А! Так вы электрик. Ну конечно. Просто я не ожидала, что вы приедете на велосипеде.

– Люблю ездить к клиентам на велосипеде, когда это возможно, то есть если не нужно везти приставные лестницы. – Боб качает головой и показывает на поднимающуюся по склону дорогу. – Но у вас здесь такой крутой подъем. Думаю, в следующий раз я все-таки приеду на фургоне.

Тильда впускает его в дом и показывает щиток. Чертополошка крадучись выходит из кухни, чтобы изучить посетителя, решает, что он неопасен, и возвращается на подушку у печки. Тильда вручает Бобу чашку чая, когда он завершает проверку электропроводки.

– Ну что? Все безнадежно? Она наверняка очень древняя, но мы заказали акт осмотра и экспертизы, когда покупали дом, и, насколько я помню, в нем не говорилось, что проводку надо заменить.

Боб качает головой.

– Она во вполне приличном состоянии, правда. Должно быть, вам недавно ее заменили. Кто-то проделал неплохую работу.

И чтобы доказать свою правоту, электрик включает главный переключатель питания, и в коттедже снова загорается свет.

– Тогда почему же электричество все время отключается?

Тильда осознает, что начала чаще моргать, пока глаза привыкают к более яркому свету.

– Должно быть, вы включили в сеть еще какой-то прибор. Что-то, что привезли с собой. – Пожимает плечами Боб.

– Мне ничего не приходит в голову. Только печь для обжига, но я ее еще не включала.

– Будьте осторожны. Вы уверены, что она подключена к сети, которая выдержит нагрузку? Такие печи требуют большого расхода энергии.

– Да, с завода-изготовителя присылали специалиста, чтобы он ее установил.

Они стоят в коридоре и ждут. Тильда осознает, что ей почти хочется, чтобы пробки опять выбило, просто для того, чтобы Бобу было что чинить.

– Теперь я чувствую себя дурой, – смущается она. – Похоже, я вызвала вас на эту верхотуру зря.

– Нет проблем. – Боб за несколько глотков осушает чашку с чаем. – Поездка вниз по склону оправдывает все мои усилия, затраченные на поездку наверх.

– Сколько я должна?

– Не такую ужасную сумму. Я пришлю счет по почте. Вызовите меня, если будут проблемы.

Она смотрит, как Боб едет вниз по дороге все быстрее и быстрее. Еще очень рано, и над озером стелется туман. Виднеющиеся за ним горы возвышаются над белой пеной дымки, их острые темные вершины резко выделяются на фоне светлеющего неба. Чертополошка бесшумно выходит в сад и присоединяется к Тильде.

Интересно, сможет ли собака достаточно поправиться, чтобы через пару дней прогуляться хотя бы шагом?

– Что ж, чтобы из нас двоих хоть кто-нибудь смог выдержать физическую нагрузку, нам понадобится приличная еда. Вернемся в дом и посмотрим, смогу ли я с помощью магии Интернета устроить доставку продуктов.

На кухне Тильда включает ноутбук и чувствует приятное волнение при мысли, что у нее скоро появятся свежие фрукты, мясо, какой-нибудь интересный салат, может быть, несколько бесполезных пудингов и бутылка любимого вина. Компьютер ободряюще жужжит, показывая на экране домашнюю страницу с такой яркостью, что Тильде приходится немного приглушить ее. Она как раз готовится выбрать находящийся поблизости супермаркет, у которого есть доставка, когда экран вдруг становится голубым, потом серым и, наконец, с беспомощным урчанием темнеет и замолкает.

– Черт! – Тильда со вздохом откидывается на спинку стула, качает головой, после чего раздается громкий хлопок, и все электрические светильники опять гаснут. Через пару секунд она ощущает, как кто-то трется о ногу, смотрит вниз и замечает стоящую рядом Чертополошку. Собака тыкается в нее носом, беспокойно виляя хвостом. Тильду трогает, что животное так чутко реагирует на ее эмоциональный настрой.

– Хорошая же из нас получается парочка, – говорит она, ласково глядя бархатистые собачьи уши. – Ты, хромая и неловкая, и я, неспособная справиться с простейшими вещами. И мы обе живем в доме, который, похоже, больше не желает, чтобы в нем было электричество.

Тильда делает глубокий вдох и закрывает безжизненный ноутбук.

– Ну нет, дальше так продолжаться не может, – обращается она к Чертополошке. – Оставайся здесь и... поправляйся. А я, хоть уже и поздновато, пробежусь и заодно зайду в деревенский продуктовый магазин. Обещаю, что вернусь с едой. Мы с тобой как следует позавтракаем, а потом я пойду в студию работать. Ну как тебе такой план?

Вместо ответа собака, бесшумно ступая, идет к своему ложу, сворачивается клубком, положив нос на лапы, а хвост на нос, явно собираясь задремать.

Снаружи воздух приятно свеж, но его температура падает на несколько градусов, и становится по-настоящему холодно, когда Тильда вбегает в пелену стелющегося тумана и солнце пропадает из виду. Хотя сегодня она вышла на пробежку позже, чем обычно, вокруг все равно нет никого, кто отважился бы гулять в сырой мгле, окутывающей тропинку,

идушую по берегам озера. Тильда входит в обычный ритм бега, находя успокоение в повторении легких, плавных шагов. Под ногами хрустят буковые орешки. Раз, два, вдох. Раз, два, выдох. Сильное сердце бьется ровно, легкие работают без напряжения.

Не надо ни о чем думать. Не надо ничего чувствовать. Есть только здесь и сейчас. Только это. Одно лишь это. Ты сильная. Ты сильная. Тильда любит бегать. Тильде нужно бегать.

Она сворачивает на незнакомый маршрут, но тропинка по-прежнему видна ясно. Слева от себя, в заболоченной части берега, она замечает маленькое полуразрушенное строение, так заросшее плющом и кустами ежевики, что его почти не видно. Чем ближе тропинка подходит к воде, тем гуще становится туман, так что вскоре Тильде начинает казаться, что она бежит по узкому туннелю, окруженная пеленой испарений. Все звуки здесь приглушены и искажены. Ворона, каркая более низко и тягуче, чем обычно, взлетает с низкой ветки, и хлопающие крылья немного разгоняют клубящуюся молочную мглу. На некотором отдалении слышится урчание работающего трактора; секунду кажется, что он совсем близко, а уже в следующее мгновение – где-то очень далеко. До Тильды доносится гоготание плавающих по озеру гусей, но поле зрения ограничено несколькими метрами – она видит только поросший тростником берег и озерное мелководье. Она бежит дальше, напрягая глаза, пытаясь понять, откуда взялся этот незнакомый пейзаж. Низко нависающие над тропой ветки похожи на руки, тянущиеся за чем-то незримым. Усыпанная песком тропа идет вверх, потом куда-то исчезает. Среди криков птиц слух Тильды улавливает новый звук. Он доносится с поверхности озера, повторяющийся, мерный. Что-то с плеском опускается в воду, потом со свистом поднимается, опять и опять.

Весла. Кто-то плывет на лодке. В таком густом тумане? Зачем? Во всяком случае, не для того, чтобы полюбоваться видом. Может быть, они ловят рыбу?

Шум гребли становится громче, ближе. Тильда останавливается и вглядывается в висящую над озером мглу. Постепенно из тумана выступает размытый силуэт. Она щурится, напрягая не заслуживающие доверия глаза. Наконец различает маленькую лодку и в ней – три нечеткие человеческие фигуры. Деревянное суденышко низко сидит в воде, и конструкция его на удивление примитивна. Двое гребут к берегу, сидя спинами к Тильде. Фигура и одежда третьего человека в лодке все еще плохо различимы в мгlistой дымке, но, похоже, это женщина. Тильда смаргивает осевшие на ресницы капельки тумана и вытирает лицо. Она напрягает зрение еще сильнее, и слезящиеся глаза наконец различают черты пассажирки. Теперь Тильда видит – это молодая красивая женщина, ее волосы скрыты под жгутами, сплетенными из кожаных полос, и головным убором, сделанным из шкуры какого-то животного. У нее очень светлая кожа, но в тусклом свете и клубящемся тумане невозможно разглядеть ни глаз, ни выражения лица. Ясно одно – троица облачена в старинные одежды, словно для реконструкции исторического события или съемок фильма о далеком прошлом.

Но с какой стати они занимаются этим здесь и сейчас? И почему вокруг никого нет?

Они уже подплыли так близко, что Тильда легко могла бы их окликнуть. Она поднимает руку, чтобы помахать им, но в последний миг что-то останавливает ее. Кожу на голове начинает покалывать, дыхание перехватывает. Внезапно туман расходится и за несколько секунд рассеивается совсем – теперь видна водная гладь и даже противоположный берег. Но все выглядит не так, как должно. Вместо низкой крыши туристического кафе на северном берегу озера Тильда замечает жмущиеся друг к другу хжины и струйки дыма,

поднимающиеся от небольших костров. И лошадей. И коров. И движущиеся вокруг странно одетые человеческие фигуры. Нигде не видно ни машин, ни моторных лодок. Ни трейлеров, нагруженных каноэ. Вокруг нет ничего знакомого.

Сердцебиение Тильды учащается, хотя от стояния на одном месте она начинает мерзнуть. Голова идет кругом.

Я что, сплю и вижу сон? Насколько, должно быть, упал уровень сахара в крови, если мне все это чудится? Наверное, от бега закружилась голова и теперь у меня галлюцинация?

От звуков поднимаемых из воды и укладываемых на дно лодки весел внимание Тильды переключается на гребцов. Лодка достигла мелководья с растущим на нем тростником, и мужчины ждут, когда она по инерции подплывет как можно ближе к берегу. Все инстинкты Тильды приказывают ей немедленно развернуться и бежать прочь, но она чувствует, что не может сдвинуться с места. Она стоит, остолбенев от увиденного. От невозможности того, во что предлагают поверить глаза. И более всего – от странного вида женщины, которая теперь стоит на носу лодки. Женщина высока, и движения ее грациозны. В ней чувствуется спокойная сила. Ожидая, когда лодка остановится, она медленно поворачивает голову, оглядывая берег. Тильда ждет, затаив дыхание, чувствуя неизбежность того, что должно сейчас произойти. Она хочет сорваться с места, бежать, но в эту минуту она так же не способна бегать, как и летать, а между тем призрачная женщина продолжает поворачиваться, и наконец ее взгляд падает на Тильду.

Мгновение они смотрят друг на друга, и между ними протягивается ниточка мысленной связи. Все остальное словно перестает существовать. Это одновременно прекрасно и ужасно. Тильда стряхивает оцепенение, и страх возвращает ей способность двигаться. Она разворачивается и со всех ног бежит прочь, слыша за спиной громкие возбужденные крики, предупреждающие о том, что на берегу стоит чужой. После короткой паузы раздаются три всплеска.

Они выпрыгнули из лодки! Они гонятся за мной!

Теперь Тильда бежит изо всех сил. Набрал такую скорость, на которую прежде считала себя неспособной, она мчится по тропинке. Она слышит за спиной топот. Чувствует, как под ногами дрожит земля – преследователи все ближе и ближе. Смертельно напуганная, она прибавляет скорость, несмотря на то что тропинка отклоняется от берега, несмотря на то что туман возвращается, застилая находящиеся от нее справа поля и вновь сужая ее поле зрения до нескольких метров. Она мчится, не разбирая дороги: скорее, скорее, хотя топот преследователей больше не доносится до ее ушей. Резко свернув за угол, Тильда налетает на одинокую человеческую фигуру, твердо стоящую на середине тропы.

Сирен

Два дня миновало с тех пор, как я озвучила предостережение во дворце принца. Погода по-прежнему тиха, воды озера спокойны, но я чувствую – на острове царят тревога и раздор. Люди боятся, и не напрасно: видение было четким, его смысл ясен. Они долго изводили меня, выведывая подробности, засыпая вопросами: кто? когда? почему? Разумеется, я не могу им ответить, хотя по мере того, как опасность будет усиливаться, появятся и другие предвестия беды. В этом я уверена. Что касается вопроса, от кого исходит опасность, многие не поверят мне, если я открою свои мысли, ибо все, чем я могу поделиться, – это мудрость и

здравый смысл. Люди прислушиваются ко мне, когда я пересказываю посетившее меня видение, но некоторые по-прежнему ставят под сомнение мои речи. Как будто слова пророчицы ничего не значат!

Должна признать: я для них загадка. Я не могу рассчитывать на то, чтобы они поняли все, что делаю, все, что собой представляю. Я следую призванию прорицательницы, завещанному матерью. Она указала мне путь к видениям и научила их толковать. Мы выделялись своей необычностью, и нас всегда уважали за связь со старой верой и обладание полезными способностями. Мое звание ведьмы люди принимают с куда меньшей охотой: они слышали слишком много историй о злодеяниях, приписываемых таким, как я. Сочетание в одном лице ведьмы и провидицы – большая редкость. В день, когда я родилась, матушка поняла: во мне заключена магическая сила. Я одарена богами дважды. Но моего умения оказалось недостаточно, чтобы удержать ее в этой жизни. Матушка не смогла избавиться от завладевшей ею болезни, а я тогда была слишком юна и неопытна, дарования были еще неразвиты, чтобы спасти ее.

Луна стоит высоко в небесах. На землю опустилась священная тьма. Облаков нынче мало, и на поверхность озера падает серебристый свет. Под ним вода едва колышется, расходясь легкими волнами, и закручивается, когда по ней торопливо снует водяная полевка или сонно перебирают перепончатыми лапами птицы, оставшиеся отдыхать на озере, потому что чувствуют себя здесь в большей безопасности. Воздух прохладен и пахнет свежестью, но в нем чувствуется тепло гниения, ибо начинается постепенное осеннее умирание тростника и камышей. Я слышу, как в лесу мои сестры-совы прорезают темноту пронзительным уханьем или хриплыми брачными криками. А вот и еще кое-что. Глаза служат мне лучше, когда их не ранит резкий солнечный свет, и я могу разглядеть, как в центре озера сгущаются тени. Я велю учащенно забившемуся сердцу успокоиться и жду. Блестящая под луной вода статична, но я чувствую – *она* приближается. Кожу начинает покалывать, пульс делается отчетливее, громче. Я чувствую, как тело окутывает прохлада. *Она* уже рядом. Я чувствую, как под водой двигается *ее* огромное тело, и душа моя поет оттого, что я знаю – *она* снова здесь, со мной!

– Сирен?

Голос за моей спиной раздается неожиданно, но сейчас я ему не рада. Поворачиваясь на его зов, я чувствую: мысленная связь с *нею* прервалась. Из глубины до меня доносится низкое быстро затихающее урчание, и я понимаю – *она* уплыла. Я хмуро смотрю на гостя. Хотя он и переоделся в монашескую рясу, чтобы оставаться неузнанным, высокий рост и царственная осанка выдадут его с головой любому, у кого хватит ума внимательно на него посмотреть. Я наклоняю голову: из-за раздражения, вызванного тем, что он прервал мое общение с *ней*, не хочется выказывать большего почтения.

– Мой принц, добро пожаловать.

Однако я совсем не рада его визиту. Только не сейчас.

– Мне не обмануть тебя, да, Сирен? – Он улыбается, снимая капюшон.

– Я была бы недостойна звания провидицы, если бы от меня можно было так легко утаить правду.

– Твоя правда. – Он делает шаг вперед и оказывается совсем близко от меня. Когда принц снова начинает говорить, я чувствую его дыхание на своей щеке.

– Мне хотелось прийти раньше, но, в общем... Я был очень занят... – Он неопределенно машет рукой, как бы извиняясь.

– Принцу и надлежит успокаивать подданных, когда их обуревают тревога.

– Они задают вопросы, ответов на которые у меня нет.

– Ты знаешь, что войско Мерсии готово выступить против нас в любой момент. Ты сразу сказал мне, что это для тебя не новость.

– Королева Этельфледа выжидает удобного момента. – Принц качает головой. – Она тоже сейчас очень занята.

– Назначая встречи викингам?

– Назначая им встречи. Ведя с ними войны. Или то, или другое. Либо и то и другое разом. Похоже, ее планы меняют направление от дуновения малейшего ветерка, но это нам на руку. Пока мы – не главная ее забота.

– Стало быть, ты понимаешь, что иногда лучше не быть центром вселенной?

Принц Брилах ахает, потом смеется, причем громче, чем собирался. И громче, чем следовало бы. Где-то неподалеку потревоженная лысуха спешит покинуть тростник, в котором спала, и с шумным плеском выбирается на открытую воду, где, как ей кажется, она будет в большей безопасности.

– Эге, Сирен, моя чтимая пророчица, кажется, ты журишь меня за тщеславие?

– Что ж, тебе виднее.

Он снова смеется, на этот раз тише, и протягивает руку, чтобы положить мне на плечо. Этот дружеский, непринужденный жест принят между мужчинами вообще. Но я не мужчина. И едва ладонь опускается на мое плечо, я чувствую, как принц напрягается. Он поднимает руку выше, нерешительно, неуверенно, и касается моих волос. Сегодня я не облачена в церемониальный наряд – на мне повседневная шерстяная туника. Руки обнажены, и ладонь принца кажется прохладной, когда дотрагивается до моей горячей кожи. Прикосновение скованно, но мне все ясно по тому, как он задерживает дыхание, как шире раскрываются его глаза.

– Полагаю, принцесса Венна пребывает в добром здравии.

Услыхав имя жены, принц Брилах опускает руку. Манера его поведения меняется, тон становится жестким – дружеского тепла как не бывало. Он снова становится принцем, а я – его советницей, и не больше.

– На собрании, – говорит он, глядя на озеро, – ты сказала, что нам угрожают и другие, а не только королева Мерсии.

– Да, именно это и показало мне видение.

– Как показало? Как?

Я пожимаю плечами и качаю головой, словно приходится объяснять очевидные вещи малому ребенку. Причем не в первый раз.

– Там было больше одного змеинового яйца.

– И это символизирует нескольких врагов? Ты в этом уверена?

– От видений мало пользы, если они вводят в заблуждение или окружают смысл завесой тайны.

– Да, да, понимаю. Но как ты можешь знать, откуда придут другие враги?

– Змеиное гнездо внутри крепости говорит о том, что враг находится рядом с тобой.

– Но королева Этельфледа – не часть моего двора. Она живет в ста милях отсюда.

– Стало быть, существует связь. Что-то или кто-то, кому ты доверяешь, цепью амбиций связывает тебя с королевой Мерсии и ее войском.

– Значит, кто-то близкий предаст меня?

– Как тебе известно, мой принц, существует разная близость. Например, человек может жить в той же стране или в том же округе. И может статься – на том же искусственном острове, что и ты. Он может пользоваться твоим доверием. Ты можешь питать к нему дружеские чувства. И даже любовь.

В глазах принца Бринаха вспыхивает гнев.

– Ты смеешь обвинять мою жену? Осторожнее выбирай слова, пророчица.

– Я никого не обвиняю. Я только излагаю видение и толкую значение для тех, кто не может прочесть его смысл.

– Но в твоём видении нет ничего – ничего, что указывало бы на принцессу!

– Существуют факты! Семья твоей жены не делает тайны из неприязни, которую к тебе питает.

– Наш брак – договорной. Родители принцессы решили обручить ее со мной.

– Так же, как фермер с убыточным хозяйством случает единственную плюговую кобылу с крепким жеребцом из хорошей конюшни.

– Ты заходишь слишком далеко!

– Союз семей принес родне принцессы Венны куда большую выгоду, чем твоей! Отец согласился на этот брак, чтобы избежать возможного мятежа. Четыре года назад было много людей, поддерживающих ее клан, и твой отец обручил вас, чтобы обеспечить мир. Но времена изменились, у клана принцессы осталось мало сторонников, и ее семья утратила прежнее могущество. В итоге от этой сделки выиграл не ты, а Венна. А ее братец Родри! Этот малый больше похож на грифа-стервятника, чем на человека! Достаточно посмотреть, как он наблюдает за тобой, ожидая любого признака слабости с твоей стороны. Он недостаточно смел или не настолько глуп, чтобы открыто бросить вызов, к тому же он знает: в этом нет нужды. Он ждет своего часа. Когда на тебя нападут, и пальцем не пошевелит, чтобы прийти на помощь. Родри будет просто наблюдать и злорадствовать, а потом с удовольствием обглодает твои кости.

– И ты думаешь, что Венна это допустит?

– А как она сможет повлиять?

– Но она моя жена!

– Зачем нужна жена, если не затем, чтобы подарить своему господину наследника?

Принц молчит. Ему нечего ответить. Что он может сказать? Ведь я права. Но от этого произнесенные слова не становятся менее ядовитыми для его ушей. Он с трудом сдерживает гнев.

– Я во всем доверяю жене. Ее родня – мои союзники. И я буду верен этому союзу, покуда не появится причина усомниться в нем.

– Разве я не назвала такую причину? Разве мое видение не открыло тебе глаза?

– Кое-кто мог бы сказать, что твое толкование видения... не заслуживает доверия.

– Стало быть, предпочтешь усомниться в словах провидицы, лишь бы не слышать горькой правды о жене?

– Откуда мне знать, что это – правда? Некоторые люди могут сказать, что толковательница позабыла о даре провидицы и повела себя как обыкновенная ревнивая женщина!

Теперь уже мне приходится сдерживать гнев. Я говорю ровно, хотя душа моя неспокойна.

– Любой, кто прислушивается к словам таких людей, глупец.

Принц открывает рот, но я не собираюсь выслушивать ответ. Я разворачиваюсь и, широко шагая, покидаю мое становище, удаляюсь от света костра и от Бринаха. Не привыкший к столь вольному обращению со своей персоной, но, не желая повышать голос из опасения быть узнанным, принц Бринах, яростно топая сапогами, возвращается на остров. Обратно к жене.

Тильда

Задыхаясь, Тильда пятится от человеческой фигуры, в которую врезалась, фигуры, которая не может быть призраком, о чем свидетельствуют ушибленные запястья и ребра, и пытается привести путающиеся мысли в порядок.

– Простите, – быстро произносит она, глядя на пожилого мужчину, с которым столкнулась. – Я не смотрела, куда бегу.

Мужчина спокойно улыбается, все еще придерживая ее руку. Он высок и жилист. Как лунь седые волосы видны из-под полей твидовой шляпы. У него густая белая борода и кустистые брови. Очевидно, что пальто было выбрано им из соображений практичности, а не элегантности. Он держит палку с костяным набалдашником в форме лебедя, на шее у него висит дорогой на вид бинокль.

– Этот туман, наверное, может легко сбить с толку, – говорит мужчина с мелодичным валлийским акцентом, с легким шипением выговаривая звук «с». – А вы бежали очень быстро.

– Я бегаю почти каждый день.

– И всегда в таком темпе? Мой бог, как хорошо быть такой сильной и проворной. Боюсь, я уже не способен совершать пробежки, – признается он, а потом с веселой улыбкой добавляет: – Разве что за мной кто-нибудь погонится. Мне нравится думать, что от страха ноги могут обрести крылья.

Тильда пытается понять, что скрывается за выражением его лица.

Что же он видел? Заметил ли он тех... людей? Знает ли, что я убежала от них?

Она не может решить, что беспокоит больше: предположение, что старик видел ее преследователей, или мысль, что троица в лодке – плод воображения.

– Я...

Тильда колеблется. Нет, она не может обсуждать то, что видела, вернее, *кажется* видела, с адекватным человеком. Он решит, что она сошла с ума.

Возможно, так оно и есть. Возможно, я теряю рассудок.

Голос старика прерывает ее мысли.

– Вы нормально себя чувствуете? Простите, но мне кажется, вы немного расстроены.

Тильда качает головой и пытается взять себя в руки. Здесь ее новый дом, она будет жить, общаясь с соседями. Ей совсем не хочется, чтобы они думали о ней как о чокнутой с холма.

– Все в порядке, спасибо. Думаю, я перестаралась, бежала слишком быстро. От этого у меня немного... закружилась голова.

– Крепкий сладкий чай. Вот что прописала бы моя жена. – Он поднимает палку и показывает на туман, стелющийся вдоль тропы за его спиной. – Мой дом отсюда недалеко, может быть, зайдете на минутку? Готовлю я плохо, но чай способен заварить как следует.

– О, спасибо, нет. Я не могу...

– Конечно, не можете, и о чем я только думал? Ведь я даже не представился. – Мужчина протягивает руку. – Профессор Ильтид Уильямс, местный историк и заядлый орнитолог-любитель. Последние тридцать лет я живу в доме Старой Школы. Рад нашему знакомству!

Тильда ухитряется изобразить на лице подобие улыбки.

– Тильда Фордуэлз, художник-гончар. Вот уже пять недель, как я живу в коттедже Тай Гвин.

Она надеется, что рукопожатие получилось достаточно крепким и уверенным.

– Вот мы и познакомились. Правила хорошего тона требуют, чтобы мы вместе выпили чаю.

Профессор поворачивается и, шагая на удивление энергично, идет вперед.

Тильда колеблется, вспоминая, как отец предупреждал не брать конфет у незнакомых людей, но потом убеждает себя, что этому господину по меньшей мере восемьдесят лет, к тому же он не чужак, а сосед. И потом, ее до сих пор немного трясет, а мысль выпить чаю с этим здравомыслящим и реальным джентльменом кажется такой успокаивающей. Вдобавок Тильде сейчас совсем не хочется возвращаться в коттедж и сидеть там в одиночестве. Только не теперь. Обычно она радуется уединению, но сегодняшнее утро нельзя назвать обычным. Чай, да еще, несомненно, выпитый из фарфоровой чашки и сопровождаемый светской беседой, – пожалуй, то, что нужно.

Меньше чем за минуту они доходят до ступенек перехода через живую изгородь, перебираются через нее и ступают на дорожку, ведущую прочь от озера. Асфальт под ногами Тильды тверд, и с каждой шагом она все больше убеждается: увиденное ей померещилось. Легче думать, что туман и странный призрачный свет сыграли злую шутку с ее слабым зрением и взвинченными нервами. Узкая дорога проходит мимо церкви и приводит путников к небольшому дому. Хотя Тильда и недавно живет в этой части Уэльса, она отмечает, что дом Старой Школы необычен и не похож на местную архитектуру. Он построен из того же серо-синего камня, и у него шиферная крыша, но на этом сходство заканчивается. Окна с частым переплетом глубоко посажены в стену. Стрельчатые арки украшают парадный и боковой входы. К дому ведут маленькая чугунная калитка и короткая дорожка, проходящая через сад, утопающий в цветах. По решеткам беседок и стенам вьются плетистые розы, ломонос и жасмин. Даже сейчас, в осеннюю пору и в такой ранний час сырого дня, воздух здесь благоухает. Прекрасные экземпляры гортензии и чубушника душистого соперничают с различными кустарниками, растущими между фасадом дома и невысокой каменной стеной. Сад повсюду: за домом растут высокие старые деревья, дающие укрытие, тень и создающие ощущение уединенности. Здесь все дышит красотой, покоем и защищенностью.

– Входите, входите.

Профессор ставит палку в подставку для зонтов и вешает на нее пальто. Тильда стягивает водонепроницаемую куртку для бега, отдает Уильямсу и снимает грязные кроссовки.

– Гостиная вон там, – объясняет профессор, взмахом руки показывая на дверь справа. – Устраивайтесь удобнее и почувствуйте себя как дома, а я пока приготовлю чай.

С этими словами он исчезает на кухне, и вскоре Тильда слышит, как закипает вода и звякают о поднос фарфоровые чайник и чашки.

Потолок в коридоре низкий, из-за частых оконных переплетов сюда проникает мало дневного света, но в царящем сумраке видно: профессор Уильямс – завятый коллекционер. Все полки, шкафы и стены уставлены и увешаны изделиями из латуни и фарфора, картинами, разнообразными безделушками. У подножия деревянной лестницы стоят очень красивые высокие часы. Их мерное тиканье задает успокоительно медленный ритм, в котором хочется прожить всю жизнь. Тильда подходит ближе, чтобы лучше их рассмотреть.

Корпус сработан из полированного темно-красного дерева, наверное, из грецкого ореха, решает гостя, циферблат отделан перламутром, а стрелки отлиты из латуни. Тильда слышит, как в скрытых глубинах жужжат механизмы и молоточки готовятся пробить десять часов.

Внезапно часы останавливаются. Не слышно ни боя, ни тиканья. Ничего. Тильда чувствует, как кожу на затылке начинает покалывать. Она совершенно точно знает, просто *знает*: часы остановились из-за нее. Она бросает взгляд в сторону кухонной двери и слышит, как хозяин возится там, готовя чай. Быстро покинув коридор, Тильда через низкую дверь проходит в гостиную. Здесь все устроено так, чтобы человеку, который любит читать, было удобно. Книжные полки занимают две стены, а вдоль двух других стоят шкафы и высятся стопки томов в переплетах. Небольшой диванчик и лампы для чтения – у камина, потертое кресло – напротив окна, из которого открывается лучший вид на сад и озеро. Как и в коридоре, здесь много безделушек и диковинок. Ожидая профессора и пытаясь отделаться от владеющего ею чувства смутной тревоги, которое усугубилось, когда остановились часы, Тильда останавливает взгляд сначала на древнем проигрывателе и стоящей рядом коробке, полной виниловых пластинок, потом – на висящей устрашающей деревянной маске, потом – на богато украшенном верблюжьем седле, потом – на лежащем на каминной полке большом ископаемом моллюске. Не в силах устоять перед искушением, Тильда дотрагивается до него. Когда она поворачивается к двери в ожидании обещанного чая, ее взгляд падает на широкий письменный стол в углу. На нем расстелена старинная карта. На одних углах стоят два стеклянных пресс-папье, на других – латунная фигурка ослика и пустая жестянка из-под мятных помадных конфет. Тильда склонилась над картой, когда входит профессор Уильямс, неся поднос с чаем и угощением.

– Вот и я. О, вижу, вы нашли мою карту озера и его берегов. Прекрасный образчик искусства картографии начала двадцатого века – думаю, вы со мной согласитесь. Так, куда бы мне поставить поднос? Не могли бы вы убрать с журнального столика весь этот мусор? Большое спасибо.

Он ставит поднос, и фарфоровая посуда угрожающе дребезжит.

Тильда сняла вязаную шапочку – ее необычные волосы стали заметнее. Ей приятно, что хозяин дома ничем не выдает своих чувств, даже если замечает в ее внешности что-то вызывающее беспокойство.

– Действительно, карта замечательная, – соглашается она. – Судя по ней, здешние места мало изменились. Правда, озеро кажется крупнее, чем в наши дни.

– Вы правы, в те времена оно было больше.

Профессор берет очки с подлокотника, надевает и склоняется над столом.

– Церковь тогда стояла ближе к берегу и дом священника тоже... вот здесь. Теперь это дом престарелых, и между ним и озером лежит широкая полоса земли. В приходских архивах есть записи, свидетельствующие о том, что иногда озеро выходило далеко из берегов. А вот здесь, в дальней его части, обозначен искусственный остров. В Ирландии они встречаются повсеместно, но в Уэльсе этот – единственный. Когда создавалась карта, от него мало что осталось, но люди знали: он искусственного происхождения. – Он смеется, тихо и весело. – Что ж, они не могли этого не знать – ведь остров находился на этом месте долгое время.

– Я читала о нем, когда мы приезжали сюда, чтобы осмотреть коттедж.

Тильда замолкает, осознав, что выразилась так, будто у нее есть основания говорить «мы».

Надо привыкнуть к тому, что теперь есть только я. Надо же когда-то начинать.

– Мы купили этот коттедж незадолго до того, как погиб муж, – объясняет она.

– О, мне очень жаль.

– Это случилось внезапно. Дорожно-транспортное происшествие. Мы собирались начать здесь новую жизнь...

Нет, она не хочет об этом говорить. Не здесь. Не сейчас.

Профессор мягко улыбается.

– Думаю, вы убедитесь, что это место смягчает горе. Со временем. Озеро, долина – они исцеляют. По крайней мере, – продолжает старик, – я убедился в этом после смерти Греты, моей жены.

Тильда улыбается в ответ, благодарная за сочувствие и такт.

– Итак, – произносит она так беспечно, как только может, – вы собирались рассказать об искусственном острове. Все говорят, что он сыграл важную роль в истории, но, по правде сказать, на карте он кажется совсем маленьким. Не могу представить, как на нем могло уместиться сколько-нибудь значительное поселение.

– О, видите ли, в девятом веке у людей было иное представление о размерах поселений. Население в то время было намного меньше, чем теперь, и вести строительство – гораздо труднее. Должно быть, для создания этого острова потребовались уйма времени и сил. Сначала в озеро сбрасывали камни, потом на них укладывали скрепленные друг с другом бревна. Только представьте, они сумели создать основание, достаточно прочное, чтобы на нем можно было возвести постройки, в которых жили люди и содержался скот.

– Неужели они держали там еще и скотину?

– Да.

Профессор берет со стола карандаш, лист бумаги и начинает набрасывать план, который должен быть у поселения на острове.

– Здесь был дворец – длинное здание размером с современный амбар, если можете его представить, одноэтажное, но довольно высокое, с большим залом и островерхой крышей, чтобы с нее стекали частые и обильные валлийские дожди. Этот зал использовался для важных собраний, празднеств, встреч с важными гостями и прочих сборищ. Историки установили: дворец был построен для принца Бринаха – правителя здешних краев в те времена. Здесь жили он, его семья, родственники и охрана. Разумеется, если существовала угроза нападения, жители прибрежной деревни покидали дома и спешили на остров, чтобы укрыться во дворце. Мы думаем, там было и другое здание, где, вероятно, жили остальные воины и их семьи и содержались наиболее ценные лошади и скот. Рядом с этим зданием под углом, – он щурится за стеклами очков, чертя линии на бумаге, – должно быть, располагалась кузница. Она играла очень важную роль.

– Наверное, чтобы подковывать лошадей?

– В том числе и для этого, хотя в те времена подковывали не всех лошадей. Кузница была важна, потому что в ней ковались оружие и доспехи. Мечи, кинжалы, щиты, шлемы... Принц должен был всегда быть готов к защите владений в те опасные времена.

– Вы наверняка много знаете об этом искусственном острове.

– О, – профессор качает головой, – историку кажется, что он все еще недостаточно знает о самом любимом предмете. Озеро всегда меня завораживало, и жену тоже. Грета была антропологом. – Он машет рукой в сторону наиболее экзотических артефактов. – Большая часть предметов, которые вы здесь видите, была собрана ею во время экспедиций. Из нас двоих она первой влюбилась в озеро. Она настояла, чтобы мы переехали сюда. Грета

чувствовала родство с этим местом. И я очень рад этому. Озеро дало нам так много пищи для ума. Люди живут здесь много веков. И даже тысячелетий. Это идеальное место для строительства поселения, вы не находите? Пресная вода, рыба, убежище, которое предоставляют окрестные холмы, плодородная почва – здесь есть все. Когда принц Бринах возводил на озере искусственный остров, чтобы поставить на нем дворец, он знал, что делает. С этим местом связано столько прекрасных мифов и легенд. По-моему, будет справедливо сказать, что оно обладает магией. Можно изучать его целую жизнь, но до конца так и не узнать.

Уильямс подходит к журнальному столику, на котором стоит поднос с чаем.

– Вам с сахаром? С молоком? Угощайтесь шоколадными печеньями. И, может быть, расскажете, чем занимается художник-гончар?

В обществе старого профессора полчаса проходят быстро. Тильда сидит на мягком диване, поджав ноги, и живительный чай вкупе с дружеской беседой настолько восстанавливают силы и душевное равновесие, что вскоре она начинает смотреть совсем по-другому на видение на озере. Беседа от истории плавно переходит к водоплавающим птицам, которые в изобилии обитают в этих краях, потом к противоположному берегу озера – процветающему объекту местного туризма с кемпингом, прокатом лодок и уроками плавания под парусом. Все это кажется Тильде успокаивающим, нормальным, и она убеждает себя: чересчур живое воображение вместе с сильно уставшим телом обманули ее зрение, только и всего.

Слишком скудный завтрак. И перенапряжение. И долгое время, проведенное в одиночестве.

Формулируя эту мысль, она вдруг вспоминает, что на самом деле живет теперь не одна. Вместе с ней в коттедже живет лохматая собака-зайчатница, которую, возможно, пора выпустить из дома. Тильда ставит чашку на поднос и встает с дивана.

– Мне пора идти и оставить вас в покое.

– Моя дорогая девочка, теперь я только и знаю, что этот покой. Ваш визит прекрасно отвлек меня от рутины, и я этому очень рад. Прошу вас, заходите еще.

Они проходят в коридор, где профессор Уильямс замечает, что часы остановились.

Он смотрит на них, стучит пальцем по стеклу, закрывающему циферблат.

– Странно. Обычно они работают бесперебойно.

Тильда наблюдает, как старик открывает корпус часов и регулирует гирьки и цепочки, находящиеся внутри. Она чувствует, как ею овладевает прежняя тревога.

– Может быть, их надо завести, – робко предлагает она, хотя совершенно не разбирается в часах и уверена, что такой человек, как профессор, заботится об этом антикварном механизме с большим тщанием.

– Нет, нет, думаю, дело не в этом. Сейчас...

Он что-то слегка меняет в настройке старинных часов, следует короткая пауза, потом коридор оглашает мерное тиканье. Профессор закрывает дверцу, за которой скрывается механизм, и любовно похлопывает часы.

– Замечательная работа! Только посмотрите на эту инкрустацию, вам она видна? Вот, видите, в древесину грецкого ореха вделаны полоски более светлого дерева. Как мастерски сработано. Стыки сделаны так безупречно, что можно подумать, будто корпус часов просто покрашен. Если вы проведете пальцами по его поверхности, то почувствуете, что она гладкая, как мрамор. Попробуйте, – предлагает он, отходя в сторону.

Тильда чувствует, что не может сделать ни шагу. Спокойствие, обретенное во время беседы с профессором Уильямсом, утекает с каждой минутой. Пульс учащается, словно она только что взбежала по склону холма к Тай Гвин. Она точно знает: если дотронется до часов, они встанут опять. Но на этот раз у безумия будет свидетель. Профессор увидит: из-за нее часы загнулись и встали. Точно так же, как погасли электрические лампы в коттедже, как сломался компьютер.

Из-за нее.

И я больше не смогу делать вид, что я тут ни при чем. Даже перед самой собой.

– Извините, – выпаливает Тильда. – Мне правда пора идти.

Дойдя до парадной двери, она поспешно натягивает кроссовки, шапочку и куртку, в то время как профессор продолжает болтать о чае, часах и о том, что туман уже рассеялся.

Почти не слыша, что он говорит, Тильда бормочет «до свидания», торопливо толкает массивную дубовую дверь, выходит и бежит, едва повернув в сторону Тай Гвин.

Через два дня после встречи с профессором Тильда собирается с духом, чтобы посетить дальний берег озера, где всегда полно отдыхающих. Обычно она предпочитает держаться подальше от суеты людного места с его прокатом лодок, фургоном мороженого, кафе, яхт-клубом, кемпингом и тому подобным, но чем дальше она думает об озере, тем больше убеждается: необходимо туда пойти. Хотя чаепитие с профессором и помогло ей уговорить себя не принимать всерьез увиденное во мгле, время, проведенное в одиночестве, заставило ее призадуматься. Сколько бы Тильда ни убеждала себя: причина видения – призрачный свет туманного утра и низкий уровень сахара в крови, она не может отделаться от чувства, что дело тут в другом. Тильду продолжает тревожить собственное воздействие на старинные напольные часы. Она не может понять, как связаны эти вещи и связаны ли вообще, но к ней уже привязалось неотступное чувство, что связь есть. После ее возвращения в коттедж лампочки загорелись после того, как Тильда пробыла в доме около часа.

Она рада, что не надо никому объяснять своих действий. Она понимает: мысли на сей счет не успели сформироваться. Тильда действует лишь по наитию и не представляет, куда это может ее завести. Не знает она, и что конкретно надеется найти. Вчера вечером она сидела перед камином в уютной гостиной Тай Гвин, потягивая безумно дорогое вино, купленное в местном магазине, глядя на растянувшуюся на коврике Чертополошку и пытаясь связать воедино то, что она знает или кажется, что знает. Ее воспоминания – или кошмары наяву, как она привыкла о них думать, – о моменте гибели Мэта не новы. Они продолжают уже больше года. Но в последнее время воспоминания стали ярче, более пугающими, мучительно реальными и полными рвущих душу деталей. Ко всему прочему добавились постоянные отказы электропитания в коттедже. Боб не нашел в проводке неисправностей, однако электричество вырубается так часто, что Тильда уже перестала пользоваться центральным переключателем на щитке. Они с собакой обходятся без искусственного света, компьютера и других устройств, которые надо включать в сеть. Твердотопливная печь в кухне помогает Тильде заваривать чай и готовить пищу из немногих оставшихся продуктов и нагревать воду. Открытый огонь в камине не дает дому полностью остыть, хотя спальни на втором этаже выстуживаются по мере того, как опускается температура за окнами. Тильда уверена: часы профессора остановились из-за нее и проводка в коттедже не работает отнюдь не потому, что она неисправна. Пусть это и кажется нелепым, но Тильда точно знает: и в том и в другом виновата она сама.

Сидя рядом с Чертополошкой и глядя на пламя в камине, Тильда пыталась вспомнить, что именно она видела – или ей показалось, что видела, – тем утром на озере. Трех человек, сидящих в лодке. Одну женщину и двух мужчин, гребущих к берегу. Одетых донельзя странно. А вернее, облаченных в старинные наряды.

Такие не носят уже много веков.

И дальний берег озера выглядел тогда иначе: ни кафе, ни лодочного сарая, ни яхт-клуба. Только сгрудившиеся хижинки. Как будто туман смыл все, что было знакомо, и породил что-то новое. Выпив вино, Тильда решила: горе в конце концов помутило ее разум. Она просто начала терять рассудок. Такой вывод не принес ей никакого успокоения. Единственное средство опровергнуть его – отправиться на северный берег и убедиться, что там царит та же нормальная безвкусная дешевка с хот-догами и гребными лодками напрокат. Что ее галлюцинация, если это и впрямь галлюцинация, – плод воспаленного ума. Несколько месяцев назад психолог, который, по идее, должен был помочь Тильде справиться с горем, порекомендовал воспринимать невыносимо яркие воспоминания о гибели Мэта как естественную часть скорби. Значит ли это, что ее последнее видение – часть этого процесса?

И вот Тильда, тепло одевшись, натянув на лоб шерстяную шапку, заправив светлую косу под воротник, шагает на дальний берег озера. Неуклюжая Чертополошка плетется за ней на старом кожаном ремне. Несмотря на позднюю осень, сейчас, в выходные, к озеру приехало много отдыхающих. Небольшая парковка забита почти полностью, и на стоянках полным-полно горных и гоночных велосипедов, владельцы которых либо доедают обед, либо подошли близко к берегу, чтобы лучше рассмотреть озеро. Гуляющие кормят семейство лебедей, в котором подросшие птенцы еще не полностью сменили оперение. Нахальные дикие утки вразвалку выходят на узкую асфальтированную набережную в надежде получить корку от сэндвича или вафлю от мороженого. Затюканная женщина старается увести отпрысков от кромки воды, заманивая их в кафе обещанием накормить хот-догами. Подростки снимают свои байдарки с трейлера.

Все выглядит вполне нормально. Люди из плоти и крови. Настоящие здания. Ну конечно, как же может быть иначе?

Тильда проходит мимо железобетонного лодочного причала и направляется к строению, расположенному на искусственном острове. В отличие от построек, возведенных на рукотворном острове, который насыпали здесь в давние времена, современное сооружение – одноэтажная хижина с тростниковой крышей, незастекленными окнами и кривыми стенами. Она предназначена лишь для того, чтобы гуляющие могли лучше рассмотреть озеро. Как и на древний остров, сюда можно попасть по деревянным мосткам. Сооружение покоится на сваях из толстых бревен. Стоя на огороженном дощатом настиле, который окружает хижину, Тильда испытывает странное ощущение – ей кажется, что она находится одновременно и на воде, и над водой. До нее доносится плеск воды о сваи. Под ней носятся по поднятым легким ветерком низким волнам лысухи и водные курочки, спешащие укрыться в растущем вдоль берегов тростнике. Чертополошка крадучись подходит к краю настила и, наострив уши, вглядывается в воду, следя за перемещениями водяной крысы, собирающей водоросли для гнезда. На противоположном берегу Тильда различает очертания церкви Святого Канона, дома Старой Школы и скрадка, из которого орнитологи-любители наблюдают за птицами. Это помогает ей сориентироваться и определить, где она стояла, когда увидела людей в лодке. Воздух сегодня чист, видимость прекрасная, и ничто не скрывает поросшие тростником берега, идущую вдоль них дорожку, пастбища, на которых мирно пасутся коровы,

и небольшой лесок.

Рядом с Тильдой останавливается турист, рассматривающий озеро в дорогой на вид бинокль. Она берет на заметку, что надо бы поискать в нераспакованных коробках собственный бинокль. Проследив за взглядом любителя достопримечательностей, она замечает то, что привлекло его внимание. К западу от озера, примерно в сотне метров от берега, стоят микроавтобус и фургон. Рядом толпятся люди, хотя обычно там – никого. Это не кемпинг, однако Тильда различает большой шатер и рядом – две передвижные туалетные кабинки. Она не решается попросить у мужчины бинокль и вместо этого заставляет себя заговорить с ним.

– Не подскажите, что там происходит?

Не опуская бинокля, он отвечает:

– Это археологи. Парень, который выдает напрокат лодки, сказал: там ведутся какие-то раскопки.

Только после этих слов он поворачивается и смотрит на Тильду.

Смотрит. Отводит взгляд. И опять смотрит. Стандартная реакция номер три.

Подходит женщина, наверное, жена туриста. Она держит за руку маленькую девочку. Пока взрослые, чтобы прервать неловкое молчание, болтают о пустяках, ребенок открыто разглядывает Тильду из-под клеенчатой шляпки в цветочек. Она не отворачивается – ждет. Она надела контактные линзы, но уже несколько недель не наносит макияж – и сейчас очень заметны ее белые брови и ресницы. Наконец девочка, дергая мать за руку, громко спрашивает:

– Почему твоя собачка – на ремне? У тебя что, нет поводка? И почему у тебя такие странные глаза? Ты слепая?

Старая от стыда, родители пытаются сгладить простодушную бестактность ребенка.

– Простите, пожалуйста, – смущенно произносит женщина, невольно оттаскивая дочку на шаг назад.

– Ничего страшного, – успокаивает Тильда.

– Ей не следовало задавать вам подобные вопросы.

– В самом деле, все в порядке.

Девочка сдвигает брови, и клеенчатая шляпка съезжает ей на лоб.

– Мама, почему тетя так выглядит? И почему у собачки нет нормального поводка и ошейника?

Тильда смотрит на самодельный поводок Чертополошки, и ей приходится согласиться: пряжка ремня и впрямь выглядит неуместно на тонкой собачьей шее. Она опускается перед малышкой на корточки.

– Знаешь, ты права. Ей действительно нужен нормальный ошейник. И поводок. Я пойду и куплю их прямо сейчас. Как ты думаешь, какой цвет выбрать?

Ребенок серьезно обдумывает вопрос, потом уверенно говорит:

– Розовый.

– Хорошо, пусть будет розовый.

– Можно ее погладить?

– Думаю, ей это понравится.

Девочка подходит ближе, и ее нос оказывается лишь чуть выше плеча Чертополошки. Она ласково гладит собаку, причем обе, похоже, получают от этого немалое удовольствие.

Тильда выпрямляется, заученно улыбаясь.

Родители девочки вздыхают с облегчением. Неловкий момент остался позади. Маленькая семья уходит, девочка оборачивается и машет Чертополошке. Тильда переключает внимание на озеро. Археологи спускают на воду небольшую лодку и через равные промежутки расставляют что-то вроде буйков. Устремив взгляд на север, Тильда ясно видит в просвете между их лагерем и парковкой то, что осталось от первоначального насыпного острова. Теперь это маленький островок, и ничто не выдает его искусственного происхождения. Глядя, как он возвышается над блестящей на солнце водой, трудно представить: это единственный в своем роде остров в Уэльсе и ему больше тысячи лет. Сейчас он почти полностью зарос деревьями, а его обитатели – самые боязливые из водоплавающих птиц, пользующиеся тем, что это охранная зона. Растущие на острове дубы и ивы, на которых осталась редкая листва, красиво отражаются в воде. И Тильда представляет, как можно было бы использовать цвета и рисунки стволов и веток в работе. Ее давно не посещало вдохновение, ничто не подсказывало новых идей, и загоревшаяся где-то в глубине сознания искорка надежды немного поднимает ей настроение.

Может быть, мне поможет пейзаж, который я вижу сейчас. Эти искривленные ветви и неясно вырисовывающиеся стволы... мягкие серые тона, сливающиеся с тусклым золотом увядающих листьев. Я могла бы что-то из этого сделать.

Рядом без причины громко крякает дикая утка, и Чертополошка подпрыгивает от неожиданности. Тильда замечает, что собака слегка дрожит.

– Ты еще не совсем поправилась, да, бедная псина? Пойдем, купим в кафе чипсов.

Они проходят мимо магазина, продающего туристическое снаряжение, удочки и прочие товары для досуга. На двери нет таблички, гласящей, что вход с собаками запрещен – Тильда может войти туда вместе с Чертополошкой. Когда они покидают магазин, на собаке красуется ярко-розовый ошейник с рисунком из синих собачьих следов, и к нему прикреплен такой же поводок.

– Извини за цвет, – оправдывается Тильда. – Надеюсь, тебе стало комфортнее.

Чертополошка недоуменно смотрит на хозяйку, наострив уши и слегка склонив голову набок, но в остальном оставляет мнение при себе. Вместе они направляются домой.

Сирен

В единственной комнате моего дома царят тишина и покой. У меня нет украшенных богатой резьбой кресел, дорогих гобеленов или серебряных кубков. Я живу просто, но у меня есть все, что нужно. Никто не указывает мне, что делать и как. Я предпочитаю одиночество. Иные удивляются: у меня нет охоты жить на защищенном искусственном острове, в обществе людей, но зачем мне защита? Правда, есть и такие, кто желает изгнать меня, но они боятся действовать. И даже поборов страх, они все равно ничего мне не сделают, потому что в глубине души знают – я им нужна. Ибо разве я не защищаю их от бед?

Что же до общества... Я не нуждаюсь в обществе женщин, потому что никогда не встречала той, которая не сравнивала бы меня с собой и не считала, что должна мне завидовать либо, напротив, меня жалеть. Что касается дружбы с мужчинами... я позволю себе отдаться желанию, когда встречу человека, у которого достанет мужества обращаться со мной как с равной.

К тому же рядом со мной – видения. Когда они являются или я отправляюсь туда, куда

другим путь закрыт, меня окружают удивительные создания как из прошлых времен, так и из грядущих. Они встречают меня радушно и дарят дружбу и мудрые советы. Как же я могу быть одинокой? С чего мне страдать от недостатка утешения и родственного тепла? На что мне сдалась любовь? Я знаю, к каким глупым поступкам она приводит даже самых стойких людей. Я видела, как здравомыслящие женщины теряли голову от красивых чужаков. Я удивлялась, глядя, как достойные мужи опускались, воспылав страстью к недостойным женщинам. Уж лучше я останусь в одиночестве, чем позволю кому-либо внести разлад в мою жизнь.

Холодными вечерами в маленьком домике уютно и тепло. Его толстые глинобитные стены изнутри потемнели от древесного дыма, а снаружи – от непогоды. Крыша с низкими свесами настелена из тростника, чтобы с нее скатывались дождевая вода и снег. Дверной проем летом завешивает коврик из овчины, а зимой закрывает деревянная дверь. В крыше оставлено отверстие, через которое выходит дым от огня в очаге. Утопанный земляной пол, твердый и гладкий, я устилаю тростником с той стороны, где стоит мое ложе – дощатый топчан, на котором лежат набитый шерстью мешок и одеяло из овчины. В центре дома выложен очаг – круг из камней, где я поддерживаю небольшой огонь. Мне нравится жечь дрова из плодовых деревьев и душистые травы, чтобы наполнять комнату приятными ароматами. Этим вечером горит яблонева ветвь, а над нею медленно тлеют веточки тимьяна. У меня есть деревянный табурет, два валика для сидения и простой коврик из овечьих шкур, на котором можно сидеть или полулежать. Над очагом установлен вертел – я могу поджарить птицу или кусок оленины или повесить котелок, где тушатся мясо и овощи или кипят на медленном огне травяные отвары. В стоящем у стены сколоченном из грубо отесанных досок сундуке в чистоте и сухости хранятся ценные вещи: церемониальные одежды, серебряные украшения, жгуты из переплетенных полос кожи, которые я надеваю на голову, клинки для кровопусканий, кости для гадания, толченые пряности, настойки. Рядом с сундуком стоят два больших прочных сосуда: один – пустой, другой – наполненный медом, и неглубокий таз на случай, когда мне требуется теплая вода для промывания ран или другого врачевания. Остальное я вешаю на стены: головной убор из волчьей шкуры, посох, барабан, топор, корзинку из ореховых прутьев, бурдюк для воды. Мои сапоги стоят у двери: одна пара из мягкой кожи, вторая – из более толстой, для холодов. Рядом с ними на вбитом в стену деревянном гвозде я держу плащ с капюшоном из дорогой темно-красной шерсти – дар принца, преподнесенный от имени общины в знак благодарности за предсказание, которое спасло от разрушительных последствий сильной бури. Нынче вечером, когда я одна и чувствую себя покойно и свободно, я одета только в шерстяную тунику, не туго подпоясанную плетеным жгутом из сыромятной кожи, а из украшений на мне только нитка крашеных глиняных бус и браслет из полированного бараньего рога. Одна, я не заплетаю косы. Не имею обыкновения обильно украшать тело, когда не надо рассказывать о посетивших меня видениях. Отдыхая, я довольствуюсь самыми простыми украшениями и древними рисунками, вытатуированными на коже.

Я готовлюсь ко сну, когда до меня доносится звук шагов, приближающихся по тропинке. Я прислушиваюсь, склонив голову набок. Три человека. Один шагает дерзко, размашисто и шумно, как может шествовать только юнец, грубо будящий все и вся на своем пути. Остальные идут тише, видимо, это женщины. Я надеваю плащ и выхожу из хижины. Посетители окликают меня, чтобы предупредить о своем приближении – как будто я не знала об их приходе! Юнец – племянник принцессы Шон. Он похож на отца и тетку

зелеными глазами и смуглым цветом лица. По-видимому, он сопровождает женщин, дабы предоставить им неоценимое благо своей защиты. Юноша отходит в сторону и останавливается – ноги расставлены, руки сложены на груди. В его позе полно заносчивости, но тело принадлежит мальчишке, не закаленному ни годами, ни храбростью, свойственной мужчине. Женщины выходят вперед. Обе закрывают лица капюшонами в слабой попытке замаскироваться. Их уловки не имеют смысла, если учесть дороговизну материи, из которой изготовлен плащ той, что выше ростом, и толщину стана ее спутницы. Последний недотепа, да еще находящийся в подпитии, и тот легко узнал бы их.

Я встречаю гостей с достоинством.

– Добрый вечер, принцесса Венна.

– Прости, что беспокоим тебя в столь поздний час, Сирен Эрайанейдд.

Называя меня полным именем вопреки обыкновению, она желает снискать мое расположение. Принцесса чего-то от меня хочет, это очевидно. Служанка Неста – я легко узнаю ее – топает ногами, пытаюсь согреться, и ее хозяйка понимает намек.

– Мне хотелось бы поговорить с тобой. Может быть, в доме нам будет удобнее?

И теплее. Я киваю, открывая дверь, чтобы женщины могли войти, но качаю головой, когда вслед за ними пытается проследовать сын Родри.

– Мы будем чувствовать себя намного более защищенными, если ты останешься снаружи, дабы охранять нас.

Юноша довольно улыбается: ему не хватает мозгов, чтобы уловить насмешку, звучащую в моем голосе.

Пока мы стоим втроем, кажется, что в комнате слишком много народу. Я указываю гостям на табурет и валики для сидения, и мы рассаживаемся. Женщины оглядывают мое жилище, Неста со своей всегдашней презрительной усмешкой, Венна – с приобретенной на практике невозмутимостью. Принцесса откидывает капюшон, обнажая уложенные на голове шелковистые косы, перехваченные на лбу плетеной повязкой, шитой серебром. Венна красива, но принц ее не любит. Интересно, терзает ли это ее сердце? Или его любовь нужна принцессе, чтобы еще больше укрепить свое положение? Зачем она пришла? И почему служанка согласилась сопровождать ее? Ненависть Несты ко мне известна всем. Она и сама вроде знахарки и повитухи. У нее можно получить снадобья из трав. Но все, разумеется, за соответствующую мзду. Неста все ценит в пересчете на звонкое серебро. Я для нее – соперница в деле врачевания. Кроме того, она завидует моему магическому дару и высокому статусу. Есть и еще кое-что – ей известны заклинания, призывающие темные силы. Опасная черная магия, плохо изученная и мало практикуемая в наши дни. Неста не имеет права применять свои черные навыки. Знание ядов и умение наводить порчу никого не расположат к себе. Я знаю: она завидует уважению, которое оказывают мне люди. Несту злит, что я занимаю ответственный пост. В действительности она – кузина своей госпожи и в качестве таковой не склонна к беспрекословному служению. Но принцесса все равно ей доверяет. Что же заставило дам нанести визит? Ведь у принцессы Венны тоже есть причины не выносить меня.

Я бросаю в огонь толстое полено, подняв небольшой сноп искр. На мгновение становится дымно, потом кора загорается, и пламя начинает жадно лизать дерево. Я поворачиваюсь к принцессе. Венна встречается со мной взглядом – она одна из немногих, кто на это способен – и начинает говорить. Голос ее ровен.

– Я не стану оскорблять тебя беседой о пустяках, Сирен Эрайанейдд. Я пришла сюда,

ибо ты единственный человек, способный мне помочь.

Услышав эти слова, Неста начинает ерзать на своем месте, и ее и без того кислая физиономия мрачнеет еще больше.

– Что я могу сделать для тебя, принцесса?

Мгновение она колеблется, чуть заметно задержав дыхание, однако самообладание ей не изменяет.

– Принц Брипах и я поженились четыре года назад, но Бог до сих пор не послал нам детей.

Неста больше не может молчать:

– Я же говорила, моя госпожа, дело тут не во времени. Если бы ты следовала моим советам...

– С меня хватит твоих мерзких зелий и указаний, унижающих мое достоинство, – перебивает прислужницу принцесса Венна и поворачивается ко мне. – Принцу нужен наследник. И подарить его должна я.

Стало быть, она пришла за тем, что каждая женщина считает глубоко личным. Конечно, для принцессы продолжение рода – дело не только личное. И никто не знает об этом лучше, чем Венна. Ибо если нет ни любви, которая привязывала бы к ней принца, ни общего ребенка, единственное, что остается, – ненадежные узы политики. Если наш правитель сочтет, что лучше разорвать союз с родней жены, долго ли удержится на ней корона? Я знаю, чего стоило Венне искать помощи у *меня*. Ее могла бы остановить гордость. Или нежелание признаться в женской несостоятельности. Что за глупые мысли, ведь о ее бесплодии известно всем.

– Ты можешь помочь? Ты способна сослужить принцу эту службу?

Теперь я понимаю. Она умная женщина, нечего сказать! Доверив лечение своей хвори мне, она тем самым гарантирует себе защиту: если ей и теперь не удастся произвести на свет наследника, в этом можно будет обвинить меня. И в то же время принцессе известно: если я добьюсь успеха и она все-таки подарит мужу долгожданного ребенка, все лавры достанутся ей одной. Венну будут восхвалять и почитать, и ее положение упрочится раз и навсегда. Быть может, она даже завоюет любовь Брипах. Но если она не родит, обвинят меня: принцесса наверняка пустит слух, что искала помощи у пророчицы. В этом случае ее больше не будут считать единственной виновницей того, что в их браке нет детей, и, может статься, принц Брипах перестанет считать мое общество таким желанным. Неужели это и есть тайный мотив? Тогда она в самом деле умная женщина, ибо я не могу ей отказать.

Я встаю и снимаю с крюка на стене нож. Женщины вздрагивают, их глаза расширяются, тела напряжены. Я быстро поворачиваю нож острием к себе, а рукоятку – к принцессе.

– Отрежь мне прядь своих волос.

Венна берет нож, и Неста начинает возиться со шпильками, которыми заколоты волосы принцессы.

– Ты должна сделать это сама, – объясняю я.

Она решительно срезает толстую прядь. Стало быть, хочет, чтобы магия сработала.

Я забираю локон и туго сворачиваю, затем беру из сундука маленький кожаный мешочек, кладу в него драгоценную прядь, затягиваю кулиску и опускаю в карман своей туники.

Я стою, и мои гости тоже поднимаются.

– У тебя будут какие-нибудь указания для меня? – спрашивает принцесса Венна. – Надо

ли мне предпринять какие-то действия, что-либо...

Она опускает глаза, и на мгновение, в первый и единственный раз, под личиной важной высокопоставленной госпожи я вижу уязвимую молодую женщину.

Я качаю головой.

– Что должно быть сделано, сделаю я.

Мы выходим из хижины и видим Шона – он дышит на замерзшие руки и топает заледеневшими ногами. Юноша производит столько шума, что вряд ли бы он что-нибудь услышал, даже если бы к нам приближалось целое войско. Замечая нас, он снова принимает надменный вид и занимает свое место подле принцессы.

Женщины вновь надевают капюшоны. Принцесса Венна достает бархатный кошель и протягивает мне.

– Вот твоя плата за труды.

Хорошо, что темнота скрывает выражение моего лица. Повисает тишина: я охвачена яростью, а стоящая передо мною троица ждет ответ. Когда я наконец прерываю молчание, в моем голосе звучит гнев. Принцесса хорошо знает, как задеть меня, и нарочно делает это в присутствии племянника, чтобы тот рассказал об оскорблении Родри.

– Я тружусь для блага принца Бринаха. Ради его безопасности, ради его милости. Провидицу нельзя нанять за деньги. Мой дар не продается.

Яркую луну поглощает туча, придавая вес прозвучавшим словам, и окутывающая нас тьма сгущается. Больше нам нечего сказать друг другу. Принцесса подбирает с земли свою гордость, собирает прихлебателей и поворачивается в сторону возвышающегося на острове дворца. Я стою и смотрю, как троица растворяется в ночи.

Тильда

Затяжной морозящий дождь окрасил пейзаж в мутные серые тона, и Тильда рада: погода заперла ее в студии, где можно полностью отдаться работе. Однако тусклый дневной свет усугубил проблемы с электричеством – чтобы осветить помещение, Тильда вынуждена пользоваться свечами и фонарем «летучая мышь». Больше часа назад она поднесла спичку к дровам в печи, и теперь в студии достаточно тепло. Чертополошка, следующая за хозяйкой по пятам, словно серая тень, устраивается на расстеленном перед печкой лоскутном коврик. В студии царит уютная атмосфера. Тильда сидит на пыльном, испачканном глазурью стуле рядом с выходящими во внутренний дворик стеклянными дверями, держа на коленях альбом для эскизов, и пытается воспроизвести на бумаге те формы и очертания, которые видела среди искривленных ветвей деревьев, растущих на искусственном острове. Она набрасывает их быстро и уверенно – отгрызок мягкого карандаша оставляет на бумаге толстые штрихи. Тильда старается вспомнить, как ветви сплетались и пересекались друг с другом.

Как будто зимние ветра завязали их в узлы.

Она намерена изготавливать фирменные, похожие на луковицы, горшки, украшая их затейливыми струящимися узорами. Она еще не решила, какие будет использовать цвета. Следует ли выбрать терракоту или лучше покрыть глину яркими глазурями? Она задумчиво грызет карандаш, вдруг ее взгляд отрывается от альбома и упирается в холодную бездействующую печь, чей вид заставляет Тильду признать неоспоримый факт – без надежной подачи электропитания она не рискнет обжигать горшки, на которые будет потрачено столько труда.

Нет электричества – нет обжига. Нет обжига – нет горшков. Нет горшков – нет денег.

Она хмурится, закусив деревянный карандаш, не желая слушать внутренний голос, внушающий, что делать наброски бессмысленно: при нынешнем положении вещей она не сможет воплотить замыслы в готовые керамические изделия. Вздохнув, Тильда отворачивается от обжиговой печи и, щурясь, смотрит в окно. Дождь стихает, серая туча начинает рассеиваться. Озера почти не видно, однако отблески солнца на вершинах возвышающихся за ним гор говорят: погода медленно улучшается. Она оставляет альбом на полу, вспомнив, что хотела найти бинокль. Почему бы не начать поиски со стоящей в углу студии груды коробок? Тильда открывает и закрывает несколько штук, мысленно готовясь к тому, что найдет в них фотографии Мэта или какие-нибудь вещицы, напоминающие о времени, которое они провели вдвоем. Но к счастью, находит то, что ищет, уже через несколько минут. Стоя у панорамного окна, Тильда регулирует бинокль, наводит на озеро и рассматривает его и окрестности. Церковь найти легко: ее темно-серая башня заметно возвышается над почти монохромным ландшафтом. Даже вода потеряла все оттенки и стала похожа на расплавленный металл, усеянный расплывчатыми точками водоплавающих птиц. Остров кажется сегодня таким же бесцветным, как и все остальное, и даже сильные линзы бинокля не помогают Тильде разглядеть ни одной полезной детали.

Краем глаза она различает какое-то движение, наводит бинокль на западный берег озера

и видит микроавтобус, едущий по тряской дороге к месту археологических раскопок. Тильда вспоминает, что первый раз видела его, когда ходила на людный северный берег. Мысль, чтобы таким способом раскопать прошлое, вызывает у нее одновременно любопытство и смутное чувство тревоги. Микроавтобус останавливается перед большим шатром, в котором, судя по всему, находится центр управления. Из автобуса высаживаются пять человек, им навстречу из шатра выходят двое: вместе группа идет к огороженному кольшками участку, расположенному ближе к берегу. Тильда крутит колесико бинокля, чтобы держать эту сцену в фокусе. Фигурки низко наклоняются, и даже при тусклом свете сквозь морозящий дождь Тильда видит, что люди чем-то взволнованы – они возбужденно жестикулируют, кивают, показывают пальцами. Тильда удивляется человеческой способности так воодушевляться при виде обыкновенной ямы. Глаза начинают уставать от напряжения, с которым она вглядывается в далекие и размытые фигуры, как вдруг человеческое лицо заслоняет обзор. Оно настолько ужасно, настолько чудовищно и настолько близко, что Тильда кричит и роняет бинокль. Но за ту долю секунды, что она его видела, жуткие детали успели отпечататься в ее сознании: выпученные глаза, раздробленная челюсть, распухшая, покрытая кровоподтеками кожа, раскрытый в безмолвном вопле рот. Лицо так искажено и изуродовано, что Тильда не может понять, мужское оно или женское. Она пятится, ожидая, что человек, которому принадлежит этот ужасающий лик, стоит в нескольких дюймах от нее с другой стороны стеклянных дверей. Но там никого нет. Только панорамный вид и стихающий дождь. Ее сердце бешено колотится, во рту пересохло. Тильда нервно оглядывается, но Чертополошка продолжает мирно спать. Бинокль лежит у ее ног. Она заставляет себя поднять его. Трясущимися руками Тильда снова подносит его к глазам, затаив дыхание.

Ничего. Только озеро. Поля. Деревья. Больше... ничего.

И снова она силится понять, что глаза – ее не заслуживающие доверия глаза – пытаются сообщать сознанию.

Неужели мозг становится таким же слабым, как и зрение?

Она наводит бинокль на искусственный остров, но он по-прежнему – спутанное переплетение неясных ветвей. Из облаков появляется стайка чаек и садится на воду. Местный фермер загоняет в коровник скот, и по пастбищу быстро бегают две черно-белые шотландские овчарки, собирая стадо. Археологи тем временем продолжают бурно восхищаться находкой. Все кажется абсолютно нормальным и обыденным. Все, кроме бешено стучащего сердца Тильды.

Ее нервы так натянуты, что, услышав звонок стоящего на верстаке телефона, она снова вздрагивает. Хватая трубку, Тильда немало удивлена тем, что аппарат до сих пор работает.

– Привет, крольчонок. – Голос отца, как всегда, несет с собой утешение. – Надеюсь, я не прерываю работу над шедевром?

Тильда закрывает глаза, представляя родное лицо, пытаюсь вычеркнуть из памяти тот ужасающий лик и заменить его мягкими успокаивающими чертами отца. Она рада той нормальности, которую разговор с ним привнесет в ее жизнь.

– Нет, папа, ты ничего не прерываешь. Как у тебя дела? Как поживает мама?

– Все как всегда. Я только что решил один кроссворд и собираюсь начать другой, а твоя мать вышла, кажется, затем, чтобы поговорить с местными инженерами-технологами о запланированном их компанией гидроразрыве нефтеносного пласта.

– Бедные инженеры-технологи.

– Думаю, можно с уверенностью сказать: жители северного Сомерсета могут теперь спать спокойно.

– Хорошо, что маме есть чем заняться.

– Хочешь сказать: есть чем заняться, помимо нас с тобой? И то правда. Она даже оставила меня без помех смотреть матч по регби. – Он замолкает, потом спрашивает: – А как ты, Тильда? Как идут дела на вершине горы?

– Это всего лишь холм, папа, и я живу далеко не на самой вершине.

– Все равно, у тебя нет соседей, мимо мало кто ходит...

– Со мной все в порядке. Не беспокойся.

– Боюсь, где-то в пунктах моего родительского контракта записано: часто волнуйся по поводу благополучия своего потомства.

Тильда закусывает губу, понимая, что не может рассказать отцу о том, что видела. Вернее, о том, что, *как ей кажется*, видела. Или о том, что в коттедже нет электричества. Или о том, что всего несколько минут назад ее до смерти напугало что-то, чего на самом деле здесь вовсе не было.

– Со мной все хорошо, правда.

– Ты всегда так говоришь.

– Говорю, потому что со мной всегда все хорошо.

Оба знают, что это неправда, но Тильда обожает отца и не хочет, чтобы он беспокоился. Он позволяет ей повторять это снова и снова, потому что любит дочь и не хочет заставлять ее говорить о тяжелых вещах. И за это она любит его еще сильнее.

– Мать говорит, что надо тебя навестить.

– А-а...

– Вот именно, а-а. – На линии начинаются помехи, но Тильде кажется, что она слышит в голосе отца улыбку. – Все равно, крольчонок, мне было бы приятно повидаться.

Тильда улыбается. Улыбается при мысли, что скоро увидит отца, даже если ради этого придется смириться с приездом матери. Улыбается, услышав свое ласкательное имя. Имя, которое отец дал, когда она подросла и стала задавать вопросы о своей внешности, о том, как отличается от других людей, о том, что считается безобразным, а что – красивым. Он тогда отвел ее в зоомагазин и помог выбрать питомца – белоснежного кролика с розовыми глазками. Оба согласились, что он – самое красивое создание, которое они когда-либо видели.

А потом Тильда радуется от облегчения, внезапно обнаружив, что еще может улыбаться.

– Если вы приедете, это будет замечательно, папа. Правда. Я буду очень рада тебя видеть.

Когда Тильда кладет трубку, она чувствует себя намного увереннее. Дождь наконец полностью прекратился, и она решает, что пробежка прогонит дурные мысли и поможет стать сильнее.

Размеренный ритм бега настраивает ее на созерцательный лад. Физическая нагрузка, дающая ощущение благополучия, и окружающий пейзаж, заметно улучшающий настроение, проливают бальзам на измученный разум Тильды и взбадривают ее тело.

Она вприпрыжку сбегает с холма, пересекает дорогу, проносится мимо церкви и заставляет себя возвратиться на то самое место, где ей привиделись люди в лодке. Сегодня тумана нет, но погода, начавшая было улучшаться, похоже, передумала: когда Тильда добегает до южного берега озера, шумит ливень. Тонкая ткань спортивного костюма моментально

насыщается влагой, и Тильда мысленно ругает себя за то, что не надела непромокаемую куртку. Ветра нет, и дождь с силой обрушивается на озеро, поверхность которого кипит и поет. Вскоре видимость сокращается до нескольких шагов, и Тильде приходится замедлить шаг.

Беги размеренно, беги уверенно. Голова опущена, руки работают. Нет нужды торопиться. Тебе не от чего убежать. И не к чему спешить.

Постепенно отделяясь от воспоминаний о том страшном лице, который так напугал ее в студии, Тильда скорее улавливает, чем видит, какое-то движение в воде, справа от себя. Боковым зрением, не отваживаясь повернуть голову, она следит за полоской ряби. Ее раздирают противоположные желания: одно – ускориться и отбежать как можно дальше от того, что движется под водой; другое – остановиться и встретиться с опасностью лицом к лицу. Она стоит неколебимо, подбоченившись, и выглядит более храброй, нежели чувствует, наблюдая за испещренной каплями дождя поверхностью озера, под которой что-то движется, поднимая небольшие волны. Дождь еще сильнее искажает реальность. Тильда вытирает лицо, полная решимости увидеть то, что покажется из воды, что бы это ни было. Медленное движение маленьких водоворотов и завихрений прекращается. Вода теперь колыхается всего в нескольких метрах от места, где стоит Тильда, затаив дыхание и сжав кулаки.

Чем бы это ни оказалось, пусть оно будет реальным! Хватит с меня призраков. Хватит с меня безумия.

Дождевая вода затекает в глаза, течет по щекам, каплями стекает с подбородка. Тильда пристально смотрит на бурлящие воды – и вот оно появляется на поверхности. Что-то темное. Что-то гладкое, отражающее тусклый серебристый свет наполненного влагой дня. Тильда ахает – она вдруг оказывается лицом к лицу с дайвером, в гидрокостюме, маске, с дыхательным аппаратом. До сих пор Тильда не знала, чего ожидала или боялась – но явно не появления этой нелепой фигуры, которая сейчас вынимает изо рта трубку и поднимает на лоб маску. Дайвер – молодой человек, очень смуглый, зеленоглазый – приветливо улыбается.

– Доброе утро! – окликает он ее, перекрикивая шум дождя. Он направляется к берегу, шлепая по илистому дну. – Слишком дождливо для пробежки, – говорит он, глядя на промокшую до нитки Тильду. – Вам стоило купить такой же костюмчик, как у меня, – добавляет дайвер, показывая на гидрокостюм.

Внезапно охватившее Тильду невыразимое облегчение вытесняет и напряжение, и страх, но оставляет ее совсем без сил. У нее совершенно нет настроения вести шутивную беседу с незнакомцем.

– Не думаю, что вы можете что-то там разглядеть, – говорит она, показывая на озеро. – Должно быть, там грязно и темно, к тому же вода бурлит под дождем.

Он поднимает и показывает большой фонарь для подводного плавания, заставляя ее чувствовать себя немного глупо.

– А что вы ищете?

– Ну я все равно не узнаю, пока не найду.

Она кивает, решив, что отдала долг вежливости и теперь может двигаться дальше. Но когда Тильда поворачивается и возобновляет бег, дайвер начинает быстро плыть рядом.

– Вам стоит попробовать заняться подводным плаванием. Под водой здорово.

– Я предпочитаю передвигаться по суше, – парирует она, не зная, остаться или бежать дальше.

– По-вашему, это можно назвать сушей? По-моему, она не очень-то суха.

Эти слова заставляют Тильду смутиться – она представляет, как сейчас выглядит: промокшая насквозь, раскрасневшаяся от бега, в прилипшей к голове вязаной шапочке.

Словно почувствовав ее неловкость, молодой человек предлагает:

– Если хотите, я могу вас подбросить. – Он указывает во мглу, и Тильда различает небольшую лодку с подвесным мотором, которая покачивается совсем близко, за его спиной.

Лодка стоит на якоре, чтобы дайвер мог вернуться на нее после погружения. Тильда наблюдает, как он подплывает, хватается за край борта и, подтянувшись, забирается в нее. Лодочка неистово раскачивается, но после того, как он влезает, выравнивается. Дайвер снимает баллоны с кислородом и стягивает резиновый наголовник, обнажив густую копну черных кудрей.

– Давайте. Я перевезу вас через озеро.

Она качает головой.

– Спасибо, не надо. Я хочу завершить пробежку.

– Если хотите, могу подвести лодку ближе к берегу, и вам не придется добираться до нее вплавь. Хотя, по-моему, промокнуть еще больше вам все равно не удастся.

Его поддразнивание начинает раздражать Тильду. Она осознает, как жалко сейчас выглядит, а теперь дайвер заставляет ее чувствовать себя еще и глупой. Скоро молодой человек сообразит, что она боится воды. И тут Тильде приходит в голову ошеломляюще безумная идея, которая заставляет пульс участиться и наполняет ее странным волнением.

Сумасшедшая. Все дело в том, что ты провела слишком много времени в одиночестве. Это не сработает. Ты не сможешь этого сделать. Или все-таки сможешь?

Она старается успокоиться. Не имея ясного представления, что делает, но нарисовав в воображении конечный результат, Тильда сосредоточивает все внимание на лодке. Она ни слова не произносит про себя и не шепчет никаких фраз. Она стоит неподвижно, сконцентрировавшись на конкретных вещах: месте, моменте и отчетливо представляемом желании. И вдруг, словно повернув в замке ключ, щелкнув переключателем и замкнув электрическую цепь, Тильда понимает – получилось! Она так ошеломлена этим внезапным, но точным знанием, что у нее вырывается отрывистый смех. Дайвер смотрит на нее – он озадачен. Тильда прощается взмахом руки и поворачивается, чтобы бежать дальше. Он кричит ей вслед:

– Ну что, увидимся на том берегу?

Но она качает головой и бросает через плечо:

– Только если вы намерены отправиться туда вплавь.

Она бежит по идущей вдоль берега тропинке, и звук ее шагов сопровождается звуками незаводящегося мотора. Дайвер пытается неоднократно запустить его, но терпит неудачу.

Тильда знала: у него ничего не выйдет. Только добравшись до ступенек перехода через живую изгородь, ведущего к узкой дороге, и отбежав на достаточное расстояние от лодки, Тильда мысленно отпускает образ неработающего лодочного мотора. Она освобождает его от своей хватки, избавляет от своего влияния. Следует небольшая пауза, потом становится слышно, как молодой человек дергает заводной трос, и Тильда позволяет себе улыбнуться, слыша, как мотор наконец оживает.

Я жду, когда солнце окажется в зените, потом беру корзинку и направляюсь в лес на южном берегу озера. Сегодня сухо, день выдался теплым для этой поры года. Другие люди, несомненно, радуются ярким солнечным лучам, но для меня это настоящее испытание. Я одета в плащ с капюшоном, дающим глазам, чувствительным к резкому свету, хотя бы какую-то тень. Я иду по заливным лугам, и чем дальше отхожу, тем тише становятся звуки, доносящиеся с искусственного острова. С каждым шагом детский смех, стук кузнечного молота, крики пастуха, сзывающего коров, замирают, сменяясь менее назойливыми звуками рощи. За деревьями в государстве заботливо следят. Ни одно из них нельзя срубить без дозволения принца, так что для постройки домов всегда есть толстые бревна, для изготовления луков – тонкие ясени, и дрова, чтобы холодными ночами людям на острове и в прибрежной деревне было тепло.

На ветвях осталось совсем мало листьев, но освещение все равно меняется, когда я перехожу с пастбища под сень высоких деревьев. Солнечные лучи рассеиваются здесь достаточно, чтобы я могла опустить капюшон. Но я по-прежнему чувствую солнечное тепло на лице и решаю: вернувшись домой, приготовлю мазь из ромашки и меда, предохраняющую кожу от появления волдырей. Земля в роще все еще покрыта густым переплетением растений: сныть, ежевика, плющ, остатки иван-чая – все они напирают друг на друга в борьбе за лучшее место. Над моей головой птицы всюю пользуются преимуществами хорошей погоды. На дубовом суку сидят три ленивых вороны – расправили крылья, чтобы тепло проникало в их плоть сквозь блестящие черные перья. На кусте остролиста упитанный самец малиновки, полный осознанием собственной важности, распевает, предъявляя претензию на свою территорию и отваживая всех соперников. На высоте моих коленей пролетает самка черного дрозда – вопреки названию, скорее коричневая – и трелью предупреждает собратьев о моем приближении. Насколько мелодичнее звучат голоса лесных птиц по сравнению с голосами водоплавающих!

Гуси и утки издают резкие крики, в которых нет ни капли сладкозвучия, меж тем как обитатели леса искусны в пении.

Я опускаю глаза и начинаю осматривать поросшую папоротниками землю в поисках лесных подношений, необходимых для видений и заклинаний, касающихся принцессы. Мой дар двойственен. Я умею входить в транс, и в этом состоянии, если пожелают боги, ко мне может прийти видение. Оно предскажет будущее, или ответит на вопрос, или подскажет, что делать. Иногда видения случаются, когда я гляжу на танцующее пламя очага или на лунный свет, отражающийся от поверхности озера. Они могут явиться незваными гостями, или я могу позвать их сама, но в таком случае предпочитаю пользоваться помощью определенных грибов или трав. Сегодня я ищу ярко-красные шляпки ведовских мухоморов. Я сварю их в молоке на медленном огне и выпью отвар, погрузившись в молчаливое созерцание. Самое главное – точно рассчитать количество грибов. Положишь слишком мало – видение не придет. Слишком много – питье окажется смертельным.

Вторая часть моего дара – колдовство, поэтому меня и называют ведьмой. Иные плюются, выговаривая это слово, другие произносят его лишь шепотом. Но мне до этого дела нет. Способность к колдовству я получила от матери, а она – от моей бабушки. Все мы были рождены, чтобы жить при лунном свете. Наша отличительная особенность – серебристые глаза и белые, как молоко, волосы. Наше чародейство и другие дары порождены озером – мы хорошо знаем, как пользоваться его чистой водой и растущими на берегах растениями и грибами, чтобы лечить болезни и колдовать. Но только мне было дано вызывать Аванк –

древнюю и мудрую мать озера, которая живет в его холодных глубинах. Как же матушка гордилась, узнав, что меня одарили боги! Какая честь, говорила она, быть избранной.

Мое искусство позволяет действовать в соответствии с видениями, и за это и я, и те, кому я нужна, должны быть благодарны. Принцесса Венна подверглась влиянию снадобий или иных средств Несты. Некоторые из них, вероятно, могли бы помочь, если бы проблема принцессы была проста. Но я подозреваю: подарить принцессе способность к деторождению будет нелегко. Возможно, на это не хватит даже моих способностей. Но я все-таки попытаюсь ей помочь. Ради моего принца. И ради поддержания моей репутации.

Я срываю немного влажного мха, кладу его в корзинку, потом собираю побеги дубровника с мелкими листочками, прячущиеся в тени других более высоких и стойких растений. Когда я низко склоняюсь, в нос ударяет мускусный аромат влажной почвы и гниющих стеблей более нежных трав, которые на зиму уходят под землю. В такой теплый день, как сегодня, эти запахи сильны, остры и напоминают о холодных суровых месяцах, которые скоро придут.

На поляну медленными прыжками выскакивает серый кролик с блестящими глазками. Он думает об одном – как бы попить, и поэтому меня не замечает. А если и заметит, то не испугается. Он признает во мне родственную душу добытчика. Он не так силен и не так быстр, как его брат-заяц. В его уязвимости есть что-то, вызывающее у меня смутное предчувствие беды, однако я люблю его племя. И как не любить? Внезапно кролик напрягается, поднимает голову и резко прекращает щипать траву. Еще секунду он остается таким же неподвижным, как сухой сук за его спиной, затем его ушки подергиваются, и в мгновение ока он, мелькнув серым пятном, убегает вскачь. Вот он здесь, миг – и его уже нет. Был – и исчез. Я, как и он, слышу: приближается всадник. Копыта коня стучат глухо, медленно и тяжело. Я выпрямляюсь, но не поворачиваюсь. Вскоре доносится звяканье железных удил, которые грызет этот конь и скрип дорогой кожи седла. Вороны, хлопая крыльями, улетают прочь. Малиновка замолкает. Конь останавливается. Всадник спешивается.

Так и не повернувшись, я приветствую его:

– Твой конь движется слишком медленно, мой принц, так ты ничего не поймаешь.

По его голосу я слышу, что он улыбается.

– Я нынче не охочусь, моя пророчица.

Прошагав через подлесок, принц останавливается рядом со мной.

Только теперь я поворачиваюсь. Он одет в повседневное платье, волосы падают на лоб и частично закрывают темные глаза. Он не облачен в кольчугу, у него нет щита, но на поясе висит меч. Его улыбка становится шире.

– Стало быть, ты явился сюда проверить, не вторглось ли в твои земли иноземное войско? Боюсь, ты будешь разочарован, ибо за все утро я так и не увидела здесь ни одного викинга.

– Какой викинг отважится встретиться лицом к лицу с Сирен Эрайанейдд, даже если за его спиной идет целое войско?

Я смотрю в сторону, откуда явился принц, но не вижу там других всадников.

– Похоже, ты где-то потерял своих людей. Иные сочли бы это опрометчивым для принца.

– Я выехал один.

Я не спрашиваю его зачем. Вижу, он надеется, что спрошу, но я не стану играть в его

игры. Я продолжаю собирать травы, как будто мне и дела нет до того, зачем он сюда приехал. Я знаю: он искал меня. Сердце бьется как бешеное, угрожая выдать мои чувства. Неужели он действительно меня знает? Знает, какие желание и тоска таятся в моей душе? Но если это правда, то зачем он меня мучает, ведь мы оба знаем, что никогда не сможем стать друг для друга чем-то большим, чем сейчас.

Бринах идет за мной.

– Неужто тебе не любопытно? Неужто тебе неинтересно знать, зачем твой принц оказался нынче в лесу один? А вот мне бы хотелось понять, что привело сюда тебя.

– Я делаю свое дело, – отрезаю я, бросая на него суровый взгляд через плечо. – И большинство здравомыслящих людей сейчас занимается тем же.

Принц отделяется смехом, не обращая ни малейшего внимания на мой упрек.

– Что ж, я скажу тебе, почему я здесь... Я увидел идущую по берегу озера одинокую фигуру и, к своему изумлению, узнал в ней свою провидицу. «Что это? – спросил я себя. – Что за крайняя необходимость заставила Сирен Эрайанейдд выйти из дома в самый солнечный день за много долгих недель?» Сирен, которая совершает вылазки почти исключительно при лунном свете?

Когда я не отвечаю на его вопросы, он продолжает:

– И тогда мне пришлось самому выяснять, что же заставило тебя покинуть свой одинокий дом. Что же позвало тебя в лес, когда солнце стоит так высоко и его лучи так резки и горячи?

Он встает прямо передо мной и пристально смотрит на мои волосы, в то время как лучи того самого солнца, о котором он толкует, падают сквозь ветви деревьев и освещают меня.

– Ты и сама как видение, – шепчет принц.

Знает ли он, что вчера его жена приходила ко мне за помощью? Вряд ли. Едва ли она обсуждала с ним этот вопрос. Ей и так пришлось пойти на унижение. Я могла бы признаться ему, что нынче собираю в лесу травы и грибы для того, чтобы вызвать видение и сотворить заклинание, дабы его семя наконец оплодотворило чрево жены. Могла бы. Но не скажу.

– Я занималась своей работой. Не мог бы ты, принц, отойти в сторону, чтобы я могла продолжить?

Но Бринах не двигается с места. Он протягивает руку и упирает ладонь в ствол березы слева от моей головы.

– Я просто хочу задержать тебя здесь еще немного, – мягко произносит он.

Я продолжаю стоять, уставившись в землю, меж тем он медленно и осторожно поднимает другую руку, касается моих светлых волос и, ведя по ним, доходит до моего плеча. Потом – до груди. Кончики его пальцев дотрагиваются до узкого участка обнаженной кожи в вырезе туники у моего горла. Его пальцы теплы.

– Ты... не похожа ни на кого. Ты словно ставший плотью лунный свет.

Я поднимаю голову и заставляю себя посмотреть ему в глаза. Он, не дрогнув, отвечает таким жадным взором, что на мгновение я пугаюсь: как бы моя решимость не поколебалась и я не забыла про осторожность, ненароком выдав силу собственных лихорадочных желаний. Но я не должна этого делать. Однако я не могу сейчас с ним заговорить, потому что разумом женщины владеет ее неверное сердце, а язык может легко разгласить все секреты!

Принц мгновение стоит молча, но потом слова неудержимым потоком срываются с его уст:

– Неужто тебе неизвестно, что моя душа полна тобой? Когда со мною говорят воины, я

слышу не их голоса, а *твой*. И вижу не их лица, а *твое*. И даже сон не приносит покоя, ибо в сновидениях меня неотступно преследует твой образ. О, что это за сны! В них есть только ты и я... наедине.

– Мой господин, негоже тебе говорить такое.

– Я должен признаться в том, что переполняет мое сердце, не то оно разорвется от муки!

– Ты принц и должен уметь властвовать над своим сердцем.

– Я не могу! Мое сердце полностью в твоей власти. Ты меня околдовала!

– Я бы никогда не стала так злоупотреблять своим даром!

– И все же это так. Независимо от того, вольно ты это сделала или нет. Я всего лишь мужчина, и я болен от страсти...

– Ты не просто мужчина! – настаиваю я. – Ты – принц, защитник людей, властитель земель. Муж своей жены.

– Да, так и есть, но я не могу хорошо исполнять все эти роли, когда душу терзает такая мука.

– Не говори мне о душе, мой принц. Думаю, то, что причиняет боль, лежит немного южнее твоего сердца.

– Неужто тебе так легко насмеяться над моими страданиями, Сирен?

– Я лишь пытаюсь напомнить тебе, кто мы есть. Ты – мой принц, – повторяю я, хотя уже не могу смотреть ему в глаза. – Я же – твоя провидица и твоя колдунья. Наши судьбы соединены, но *только в этом*. Я буду твоей советчицей и самой верной из всех твоих союзников, но я никогда не смогу разделить с тобой кров. Или постель.

Я толкаю его руку, пытаюсь отойти, но принц быстрым движением прижимает меня к стволу дерева и припадает ко мне всем телом. Его горячее дыхание обжигает мою щеку, и я слышу настойчивый шепот.

– Тогда я буду встречаться с тобой в глуши лесов или на дарующих покой берегах нашего священного озера под покровом темноты. Там и тогда, где и когда захочешь, лишь бы ты больше не отвергала мою страсть!

Бринах видит, как я поворачиваю голову. Я знаю: он тоже услышал стук копыт галопом приближающейся к нам лошади. Его конь перестает щипать траву и ржет, почуяв соседа по конюшне. Принц, ругаясь, отстраняется от меня, когда на поляну выезжает дюжий всадник – его верный капитан Хивел Грифид. Я, выпрямившись, стою на месте, не поддаваясь желанию скрыться среди деревьев и веля сердцу биться ровнее.

– Мой принц! – окликает Бринаха Хивел, меж тем как его кряжистый конь замедляет бег и переходит на тряскую рысь. – Я не знал, что ты собираешься выехать, мой господин. Прошу прощения, что не сопровождал тебя.

– Не беда, Хивел, – бросает принц с нарочитой небрежностью, за которой скрывается подавленное смятение. – Мне пришла охота насладиться солнечным днем, столь редким в эту пору, и мой путь случайно скрестился с путем нашей провидицы.

Он показывает на меня, и капитан коротко кивает, бормоча приветствие, такое грубое, что, если бы обстоятельства нашей встречи были более официальны, он мог бы заработать пощечину.

– До свидания, и доброго вам обоим дня.

Не дав ни тому, ни другому ответить, я прохожу мимо терпеливо стоящего коня принца и как можно быстрее удаляюсь от сцены, полной такого сдерживаемого напряжения, что

закипели бы воды озера. Приходится держать себя в узде, чтобы не пуститься бежать. Скорее, скорее обратно домой! Обратно в свое уединение. Туда, где мое место. Туда, где я буду одна.

Тильда

Тильда лежит в кровати и, не в силах заснуть, слушает вой ветра, который набирал силу всю ночь. В коттедже стало заметно холоднее, и пришлось искать дополнительные одеяла. Есть что-то особенно приятное и уютное в том, чтобы в стылой комнате лежать в теплой постели под тяжелыми одеялами. Дни стали короче – теперь она все чаще работает в студии при неровном свете свечей и фонарей «летучая мышь». Тильда больше не пыталась включить в доме электричество или вызвать Боба, чтобы он починил щиток, потому что в глубине души знает – это бесполезно. И знает, что причиной тому – она. Каким-то образом скачки напряжения, вызывающие перегрузку и отключение системы электропитания, порождаются ею самой. Точно так же она заставила остановиться часы профессора. И вывела из строя мотор на лодке дайвера.

Правда, в последнем случае я сделала это намеренно. Жаль, я не могу ничего починить, а только сломать.

Из угла комнаты доносится тихий шум – Чертополошка царапает подстилку, пытаюсь устроиться поудобнее. Тильда всеми силами старалась убедить собаку не подниматься в спальню на второй этаж, говоря, что в кухне у дровяной печи ей будет теплее, но Чертополошку сильно расстроило расставание с хозяйкой. Пришлось пожертвовать лишнее пуховое одеяло, чтобы собака могла спать на полу у изножья кровати. Из окна видно, что ветер унес прочь последнее облако. В комнату льется свет полной луны. Тильда давно перестала задвигать занавески. Она все больше привыкает пользоваться тем количеством дневного света, который оставила ей природа, и следовать ритму коротких зимних дней. Шокированная, она замечает: в серебристом свете луны ее дыхание образует редкие облачка.

Если станет еще холоднее, нам с тобой придется спать на первом этаже.

Тильда смотрит на собаку. Даже в царящем в комнате сумраке видно, что бедная зайчатница дрожит от холода.

– Давай, девочка. Иди сюда, худышка, – говорит наконец Тильда, хлопая по кровати рядом с собой.

С удивительной легкостью, не нуждаясь в дальнейших уговорах, Чертополошка, виляя хвостом, запрыгивает на кровать.

– Что ж, похоже, ты совсем поправилась, да? Хочешь побегать со мной завтра утром?

Тильда ерошит шерсть собаки. Чертополошка укладывается рядом, согревая своим теплом и спасая от сквозняков. Псиная зарывается в постель поглубже и смотрит на хозяйку с обожанием и доверием, которые трогают ту до глубины души. Поскольку раньше Тильда никогда не жила в доме с собакой, ее часто удивляют простые радости, которые дарит человеку этот симбиоз. Бархатная мягкость пушистых настороженных ушей Чертополошки, ее молчаливое, но внимательное присутствие в студии – все это небольшие, но реальные утехи.

Наконец они засыпают тревожным сном. Тильду беспокоит пронзительный вой ветра, к тому же она не привыкла делить постель с собакой. Всякий раз, когда Тильда двигается, пусть даже чуть-чуть, Чертополошка тоже меняет положение и опять прижимается к ее телу.

Тильда вспоминает, как крепко спал Мэт, почти не шевелясь всю ночь. Она вдруг замечает: мысли о нем больше не вызывают физической муки. Привычного укола боли, который до этого момента она чувствовала всякий раз, думая о муже, теперь нет. Осознание этого порождает у нее неоднозначные чувства. Конечно, она испытывает облегчение, но также и странное чувство вины, как будто, не испытывая боли, позволяет Мэту стать менее важным.

Но почему именно теперь? Теперь, со всеми этими странностями, которые творятся вокруг... Разве сегодня он не нужен мне больше, чем когда-либо прежде?

Но Тильде слишком хочется спать, чтобы во всем этом разобраться. Когда она не позволила завести лодочный мотор, когда отважилась использовать непонятную силу, которая вдруг пришла к ней из ниоткуда, Тильда сначала ненадолго испугалась, но потом, к своему изумлению, ощутила пьянящее чувство веселья. И чувство собственной мощи.

Почувствовала ли я себя счастливой? Да, еще бы! Счастливой. Здесь. Вот так.

Ее несколько не напрягает жизнь без электричества, хотя она знает: родители придут в ужас. И еще надо приобрести неэлектрическую обжиговую печь. Невероятность и фантастичность происходящего беспокоят Тильду куда меньше, чем можно было бы ожидать. Что действительно ее тревожит, заставляет вздрагивать от любого внезапного шума и вызывает учащенное сердцебиение – это то необъяснимое, что она порой видит боковым зрением. Согреваясь под теплыми одеялами, чувствуя, что рядом лежит Чертополошка, слушая, как завывает ветер в трубах, она заставляет себя мысленно перечислить все то, что она видела и чему не находит объяснения.

Кошмары наяву, в которых она с ужасающей ясностью, в деталях видит гибель Мэта.

Тильда формулирует эту мысль спокойно и признает: несмотря на то что эти воспоминания сделались более яркими, когда она только переехала в коттедж, теперь они уже не так ее мучают. Собственно говоря, она уже и не помнит, когда это происходило в последний раз.

Люди в лодке.

Они казались такими реальными. Даже сейчас, хотя двое мужчин, которые гребли, сидя спинами к ней, помнятся смутно, она ясно видит ту поразительно красивую женщину, которая глядела прямо на нее и наверняка ее тоже заметила.

Но кем она была? Она казалась молодой и в то же время какой-то древней. Может быть, это был призрак? Значит ли это, что на озере обитают привидения?

Когда Тильда мысленно произносит последнее слово, в ее памяти всплывает чудовищное лицо, которое совсем недавно заполнило собой все поле ее зрения. Лицо, отличное от прекрасных и безмятежных черт той женщины. Такое близкое, такое пугающее, такое злобное. Если бы Тильду когда-нибудь попросили вообразить, как может выглядеть страшный призрак, она представила бы его именно так. Она поворачивает на подушке голову, инстинктивно пытаясь отвести глаза от образа, который возник в памяти, но понимает: он не исчезнет. И вместо того чтобы зажмуриться, она смотрит на спящую собаку, глядя ее серую шерсть.

Ты тоже видишь их, девочка? Также видишь этих призраков? Или же их вижу только я?

Тильда пытается мыслить логически. Люди живут на озере уже много веков. И вполне естественно, что по нему бродят неприкаянные души. Она всегда чутко реагировала на зловещую атмосферу, царившую в некоторых местах. Подростком ее легко было напугать, но раньше она никогда не считала себя человеком, которому являются привидения. Но, переехав в Тай Гвин, она стала реагировать на такую атмосферу еще более чутко, чем прежде. Теперь

она видит то, чего не может рационально объяснить. Здесь все другое. Правда, год, который она провела в доме родителей, пытаясь оправиться после смерти Мэта, был заполнен такими яркими видениями момента гибели мужа, что иногда ей казалось: от горя она потеряла рассудок. Но пока она жила в Сомерсете, ее присутствие там не вызывало перебоев с электричеством. И не приводило к поломкам других машин. И там она ни разу не видела привидений. И никогда во время бодрствования не сталкивалась с людьми, которые казались настоящими, хотя она точно знала: на самом деле они нереальны. Одно очевидно – все изменилось, когда она переехала в коттедж. Необъяснимое начало преследовать ее только после того, как она поселилась рядом с озером. Стало быть, призраки, если это и в самом деле они, происходят именно из этих мест.

[Купить полную версию книги](#)